

18+

Городской Вестерн

Корней Азарофф

Игрушки для
хороших парней

Корней Азарофф

Игрушки для хороших парней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63697016

ISBN 9785005305398

Аннотация

Команда агентов ФБР расследует серию странных автопроисшествий. В ходе расследования становится ясно, что это дело рук банды, во главе которой стоит умный, противоречивый и неоднозначный лидер. Для него игра с Бюро в «кошки-мышки» не столько цель, сколько лекарство от скуки. У его же противников есть свое преимущество – их действия могут не укладываться в узкие рамки закона, и они имеют право играть с бандой по тем правилам, что им удобны здесь и сейчас.

Содержание

I	5
II	13
III	22
IV	35
V	45
VI	58
VII	82
VIII	90
IX	96
X	103
XI	109
XII	116
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Игрушки для хороших парней

Корней Азарофф

Ничего личного, это просто бизнес.

Отто Берман

The rest is silence.

William Shakespeare (Hamlet)

© Корней Азарофф, 2024

ISBN 978-5-0053-0539-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

СВЕТ ФАР СКОЛЬЗИЛ по ровной ленте дороги, выхватывая ее из крошечной тьмы. В машине было тепло и даже как-то совсем по-домашнему уютно. Водитель, коренастый мужчина средних лет с пышными, как у военных на картинках в детских книжках усами, усмехнулся. Дом... Да, пожалуй, за семь лет дальнобоя этот огромный мощный «питербилт» стал его домом – тем, чего у него никогда не было. Место, где его после каждого рейса встречала своими истеричными воплями идиотка-жена, домом было назвать никак нельзя.

Радио негромко наигрывало старые-старые шлягеры. Молодежь сейчас такую музыку не слушает. Ей все больше подавай какую-нибудь бешеную гремучую смесь оглушающих звуков, которые и музыкой-то даже не являются.

В темноте блеснули красные «стопы» машины, ехавшей впереди. Постепенно они приблизились, и грузовик, рыча мощным двигателем, легко обогнал полицейскую легковушку. Водитель глянул в зеркало. Вот же где не повезло – приходится патрулировать в такой глуши, да еще в такую темень. И кому вообще взбрело в голову назначать патрулирование за городом, на пустынном шоссе, пролегающем через сплошные равнины и каньоны.

Свет фар легковушки, отраженный в зеркалах, все больше

удалялся во тьму и вскоре исчез совсем.

Ну и темень! Пальцев собственной вытянутой руки не разглядишь. Какие уж тут правонарушители! Начало второго ночи...

Дорога стала плавно сворачивать к востоку. Тяжело ехать в темное время суток, но в светлое время столько не работаешь, законы не позволяют.

Грузовик обогнул подножие горы, и водителя мгновенно ослепил яркий красный свет. На секунду зажмурившись, он инстинктивно нажал педаль тормоза, и огромная машина, сопротивляясь, тяжело и нехотя остановилась. Все пространство вокруг нее заливал красный свет, а сверху, с неба на дорогу спускался отливающий металлом, светящийся диск. Водитель, вцепившись в руль, как замороженный смотрел на него. Он хотел выпрыгнуть из машины и, громко закричав, броситься бежать от этого диска. Однако ноги его не слушались, голос пропал, и он, парализованный страхом, только беззвучно раскрывал и закрывал рот. Такого ужаса он прежде никогда не испытывал.

Диск опустился на дорогу, подняв вокруг облако пыли. Пальцы еще сильнее стиснули руль – откуда пыль? Ведь дорога покрыта асфальтом...

Пыль еще не успела осесть, когда в диске открылся какой-то люк, и из него наружу хлынул поток пронзительного, режущего глаза света. Водитель испуганно вжался в спинку сиденья – в проеме, словно образовавшись из ничего, воз-

никли три фигуры и странной качающейся, неуклюжей походкой вышли из диска на дорогу. Вслед за этими, тремя первыми, из диска появились еще несколько таких же существ. Пару мгновений они стояли неподвижно, разглядывая «питербилт». Водитель почувствовал, как по коже побежали мурашки, когда он увидел длинные, будто вытянутые морды пришельцев, их огромные, на выкате глаза... Они словно поняли, что он, хоть и невольно, наблюдает за ними, и все вместе двинулись к машине.

– Боже мой... – едва услышав и узнав собственный голос, прошептал водитель.

Существа были уже совсем близко, когда он, сбросив с себя оцепенение, распахнул дверь грузовика и спрыгнул на дорогу. Споткнулся, упал и, оттолкнувшись от асфальта ладонями, бросился бежать прочь от машины. Страх подгонял его. Ноги путались в высокой траве, и ему казалось, что он не удалится от грузовика ни на ярд. Быстрее же... Попав ногой в какую-то ямку, он, тяжело дыша, грохнулся на землю. Поднимаясь, обернулся – существа догоняли его. Не все, только трое... Ужас подстегнул его как хлыст, и водитель снова побежал. Он вспомнил, что читал в газетах о том, как пришельцы похищают людей, как проводят над ними всякие опыты... Он не хотел оказаться на месте тех несчастных, кому лазером сверлили зубы и засовывали в мозги микрочипы... Он снова обернулся. Куда подевалась странная походка пришельцев? Они двигались легко, быстро и уверенно. Еще

пару секунд, и они его догонят...

– Оставьте меня в покое! – закричал водитель. – Что вам от меня надо?!

Существа без труда настигли его, и от сильного удара в спину он оказался в жесткой сухой траве. Что-то больно ужалило его в шею, водитель дернулся, и сопротивление прекратилось.

Один из пришельцев поднялся с земли и повернул голову к остальным.

Затрещали «молнии», и бутафорские вытянутые морды с выпуклыми глазами были сняты. Вместо них на плечах «пришельцев» оказались обыкновенные земные мужские головы.

– Том, ты его не убил случайно? – спросил один из «пришельцев» – высокий блондин с пронзительными голубыми глазами.

– О, гринпис на марше! – отозвался тот, кому был адресован вопрос. – Что ты, Ник, все так обо всех беспокоишься? Да живой он! Минут сорок будет тихо...

Том, такой же высокий, как и Ник, с такими же светлыми, только длинными волосами, обвел приятелей взглядом и спокойным голосом, в котором отчетливо прозвучали не терпящие возражения нотки, поинтересовался:

– Ну и что стоим как девки на панели? Время идет. Товар сам не разгрузится. Давайте, к грузовику!

Около «питербилта» работа уже шла во всю. Двери прице-

па были раскрыты нараспашку, и несколько человек вытаскивали из него тяжелые деревянные ящики. Красный свет, как и диск, исчезли, рядом с грузовиком стоял синий микроавтобус, куда и складывались ящики. В свете его фар виднелся другой «питербилт», возле которого возился какой-то человек. «Пришельцы» перекинули ему свои маски и принялись помогать перетаскивать ящики.

– Сколько еще? – спросил Ник, заглядывая в прицеп.

– Еще пять, – последовал ответ.

Они целиком и полностью полагались на своего наблюдателя, оставленного за поворотом. В случае появления на дороге неожиданного авто, он – крупный чернокожий парень по прозвищу Боксер – должен был предупредить их. Его задача сводилась к элементарному – смотреть в оба.

Именно поэтому дальний свет фар выехавшего из-за поворота патрульного автомобиля застал любителей розыгрышей врасплох. Ник так и застыл у раскрытого прицепа, взявшись одной рукой за ручку очередного ящика. Том стоял с ним рядом, но среагировал быстро. Выругавшись сквозь зубы, он нырнул за прицеп. Копы, конечно, идиоты, но тут не надо быть гением, чтобы понять, что происходит. Сейчас начнется...

На патрульном автомобиле включилась мигалка и стала разбрасывать вокруг вспышки красного и синего света. Дверца со стороны водителя открылась, и полицейский, прячась за ней, нацелил на Ника пистолет.

– Руки подними над головой! – приказал он. – Стой спокойно, иначе выстрелю. Вы тоже, – дуло чуть сместилось вправо и указало на двоих парней, державших ящик. Их ноша внезапно показалась им слишком тяжелой, и они аккуратно опустили ее на землю. – Сколько вас всего?

Ник облизал сухие губы и собрался уже ответить, что много, как вдруг из-за грузовика раздался оглушающий выстрел.

– Больше, чем тебе хотелось бы, легавый! – крикнул Том и снова выстрелил.

– Ты что?! – Ник бросился к приятелю, краем глаза заметив, как полицейского выстрелом отбросило на машину. – Это же коп!

Он попытался выхватить у него из рук обрез, но Том заложил его за спину и, придвинувшись к Нику, внезапно ровно и тихо произнес:

– Дружище, так надо. Надо так, понимаешь? Если бы я позволил ему командовать, он бы все испортил. В итоге и ты, и я, и все остальные оказались бы в тюрьме. А я не хочу в тюрьму. Думаю, и ты тоже.

За спиной послышалась возня, и по склону, тяжело дыша, сбежал Боксер.

– Ты где шляется? – голос Тома был спокойным, ровным, но Ник, знавший его лучше всех, поежился.

– Том, извини... – Боксер остановился от главаря на недальновидно-опасном расстоянии.

– Неужели это так сложно – стоять на стреме? – Том взял

обрез двумя руками.

– Том, мать твою... Мне надо было отлить!

Главарь не стал дольше слушать человека, не выполнившего элементарной задачи. Его не смущало, что Боксер крупнее его раза в полтора. Он коротко взглянул ему в лицо и молниеносно ударил прикладом под дых. Боксер только махом сложился вдвое и захрипел.

– Держите этого ублюдка подальше от меня, – сказал Том всем, отвернулся и быстрым шагом двинулся к патрульному автомобилю.

Полицейский лежал на дороге, раскинув руки в стороны. Пистолет валялся рядом. Том с минуту разглядывал копа, потом, наклонившись, пальцами коснулся его шеи – пульса не было. Вздохнув, он выпрямился.

– Умер, – его голос был полон почти искреннего сожаления. – Аминь. Запишите на свой счет первый гражданский трофей, мистер Томас Кридж. Хотя это и не ахти какое достижение.

Он содрал с полицейского нательную камеру, затем сунулся в машину, сбил прикладом регистратор на пол и, прихватив карту с записью, выбрался обратно на дорогу. Подумал мгновение, снова влез в машину и забрал саму камеру.

Постучав обрезом по ноге, он направился к грузовику. Ник так и не сдвинулся с места, рядом с ним топтались двое парней еще недавно державшие ящик. Остальные тоже не лучше – стоят и пялятся на труп.

– Ну что встали?! Давайте, за работу! Живо! – рывкнул он. – Если он успел запросить подмогу, сейчас вся кавалерия здесь будет!

Все снова похватали ящики. Времени оставалось совсем мало.

Вскоре фыркнул сначала один, а затем и второй автомобильный двигатель. Ник закрыл двери прицепа, бросил последний взгляд на полицейского и забрался в микроавтобус. Кридж хлопнул его по плечу:

– Что молчишь? Все нормально прошло.

На дороге остались стоять патрульный автомобиль со включенной мигалкой и опустошенный «питербилт».

II

ВРЕМЯ – 5 УТРА. СОЛНЦЕ только встает, только показывается, так сказать, из-за горизонта. Женщина-патрульный еще раз глянула на часы, будто проверяя саму себя. Нет, ровно пять, даже одна минута шестого. Остановив машину, она внимательно посмотрела на черный джип марки «Митсубиши», одиноко стоявший на обочине. Может, там никого нет? Да ну! Кто ж бросит такой шикарный внедорожник? Тут одни колеса чего стоят... И в буквальном, и в переносном смысле.

– Пробей-ка номера, – попросила она напарника. – А то как-то не хочется соваться туда вслепую.

Напарник споро защелкал кнопками бортового компьютера и через мгновение поднял на нее удивленные глаза.

– Сюрприз, сюрприз! – усмехнулся он. – Знаешь, кому тачка принадлежит? Федералам! Это единственное, что они соизволили оставить на всеобщее обозрение. Ну и еще, конечно, информацию, что у машины есть разрешение на парковку в запрещенных местах. Дальше файл закрыт.

– Они пересели на «японцев»? С чего бы это вдруг?

– А с чего бы это вдруг в Нью-Йорке, например, Департамент полиции вон, вообще «смарты» закупил?

Они переглянулись и, засмеявшись, в один голос протянули:

– Же-е-есть!

Напарник показал ей два скрещенных на удачу пальца:

– Надеюсь только, у нас до такого не дойдет.

Она улыбнулась, толкнула дверцу и, ступив на дорогу, надела форменную шляпу с прямыми жесткими полями.

– Ладно, я посмотрю, что там за федералы, – сказала она и, положив на всякий случай руку на рукоятку пистолета, неторопливо направилась к джипу.

Скользнув взглядом по номерам, офицер невольно улыбнулась – рядом помещалась наклеенная надпись: *«Если вы читаете то, что здесь написано, – значит, вы подъехали слишком близко»*. Шутник хозяин... Согласно традиции, она приложила ладонь к автомобилю, и полированная поверхность джипа искаженно отразила стража порядка.

Боковое стекло со стороны водителя было чуть опущено. Офицер, уперевшись рукой в створ дверей автомобиля, заглянула вовнутрь. Конечно, так и есть! Спят сном праведников...

– Эй, ребята... – она постучала суставом пальца по стеклу. – Пора вставать...

Пробуждение наступило не сразу, а почти сразу. То, что закон требует проснуться, первым услышал тот, что спал, слегка откинув спинку сиденья, за рулем. Глубоко вздохнув, он открыл глаза и секунду вспоминал, что было вчера и почему он в машине. Потом бросил быстрый взгляд на спавшего пассажира и, наконец, повернул голову к виновнице про-

буждения.

– Здравсьте, сэр, – хриплым со сна голосом поздоровался он, но, заметив свою ошибку, тут же исправился: – То есть, мэМ.

– Хорошо повеселились? – полюбопытствовала она и, отступив на шаг назад, жестом предложила ему выйти из машины.

Эрик вылез из джипа и, прикрыв дверцу, прислонился к автомобилю:

– Если бы веселились...

– Спать надо дома, а не на обочинах дорог, – напомнила она строгим тоном, но затем смягчилась: – Езжайте вы и вправду домой...

– Вы думаете, стоит? Да мы вообще на задании, – он, пытаясь окончательно проснуться, похлопал по карманам пиджака и, выудив из внутреннего удостоверение, показал его офицеру.

– Странное место для заданий, – заметила она.

– Более чем, – согласился федерал, гадая, почувствовала она «выхлоп» или нет. Интересно, а от глотка водки «выхлоп» вообще бывает?.. – Но ведь сами знаете: наша служба и опасна, и трудна. А приказы, как известно, не обсуждают. Хотя и не мешало бы...

– Что верно, то верно, – кивнула офицер, но было непонятно с чем, собственно, она согласна: с популярной аксиомой или с попыткой ее опровергнуть. Легко кивнув на про-

щение, она вернулась к патрульному «форду». Через минуту он скрылся за поворотом.

Купер проводил машину взглядом и посмотрел на ровную гладь озера, из-за которого поднималось оранжево-красное солнце. В голове слегка гудело – спать этой ночью почти не пришлось.

– Тепло будет, – вспомнил он примету.

Патруль появился совсем некстати. Он забрался обратно в джип и осторожно, чтобы не разбудить Лэса, без хлопка закрыл дверь.

Эрик глянул на себя в зеркало заднего вида. Ну и видок!.. Волосы взъерошены и торчат черными перьями, под глазами круги, воротник белой рубашки расстегнут, галстук съехал куда-то в сторону... Кстати, о галстуках. К черту галстук! Названная деталь туалета, всегда вызывавшая у него раздражение, улетела в направлении заднего сиденья. Все, салют, встретимся лет через двадцать. А лучше вообще никогда. Настоящая удавка, причем совершенно законная.

С чувством исполненного долга, Купер закрыл глаза. Галстук и строгий темно-синий костюм он надел исключительно из уважения к Роделло и его семье. Он не рассчитывал на то, что Лэс удивится, увидев напарника, который терпеть не мог повседневной федеральной формы одежды, в таком прикиде. Этих вещей не замечаешь, не обращаешь внимания на подобные мелочи, когда хоронишь отца.

На печальной церемонии присутствовали только род-

ственники. Эрик стоял чуть в стороне от них и прекрасно понимал, что после того, как деревянный темный гроб опустится в могилу и его засыпят землей, Лэсли не захочет остаться в семейном кругу. От мыслей и воспоминаний никуда не сбежишь, но, чтобы стало легче на душе, ими можно поделиться не просто с напарником – с другом.

После завершения церемонии Роделло, извинившись перед семьей, сказал, что ему надо побыть одному.

«Побыть одному»... Господи, до чего же избитая фраза!.. «Пошли все к черту» было бы уместнее.

Наверно, это было совсем подло по отношению к матери и жене, на которых он просто кинул всех родных, но в тот момент Лэсли был не в состоянии размышлять на темы, что можно, а что – нельзя. Ему просто хотелось сбежать: чтобы никого не видеть, чтобы никого не слышать, чтобы ни с кем не говорить.

Почти никого и почти ни с кем.

Уже сидя в джипе, Лэс словно через какую-то стеклянную призму увидел, как напарник, этот вечно одетый как раздолбай, а не солидный федерал, до сих пор непостижимый для него, несмотря на год работы бок о бок, Купер, что-то говорит, объясняет, пытается донести до Энни и стоящей рядом матери Роделло. Женщины кивали, что-то говорили в ответ, с чем-то соглашались. И не было в тот момент в напарнике ничего раздолбайского и несерьезного, только терпение, такт и искреннее желание помочь, облаченные в отлично сидя-

щий на нем, по идеальной мерке подогнанный костюм темно-синего цвета.

Джип дотемна колесил по городу и вне его пределов. Лэс сначала не отрываясь и не оборачиваясь, прижавшись головой к стеклу, смотрел в окно, а потом негромко признался:

– Я хочу напиться... Напиться до бессознательного состояния...

Эрик зарулил на парковку у ближайшего супермаркета и, остановив машину подальше от входа в магазин, дотянулся до пакета, лежавшего на заднем сиденье. Из пакета он извлек бутылку «Столичной» и стопку одноразовых пластиковых стаканчиков.

Без слов он открыл бутылку и сунул в руку отрешенно наблюдавшему за его действиями Лэсу белый стаканчик.

– Ну... давай... – он налил полный стаканчик Роделло и ровно на глоток – себе, – за твоего отца. Пусть земля ему будет пухом.

От огненной воды перехватило дыхание, и Эрик пожалел, что забыл купить что-нибудь закусить. Лэс осушил свой стаканчик одним махом и, зажмурившись, прижал к губам руку.

– Хороша чертовка... – на выдохе резюмировал Купер.

Роделло налил себе еще и снова уставился в окно. Для того чтобы что-то говорить у него не хватало слов, поэтому он молчал. Эрик тоже молчал – что можно сказать человеку, похоронившему одного из родителей? Пустую, бездушную, ничего не значащую фразу: «Мне очень жаль»? Нет, уж луч-

ше действительно подержать язык за зубами...

– У тебя сигарет нет случайно?

Купер обреченно вздохнул:

– В «бардачке»...

Лэс протянул руку, открыл «бардачок» и, среди нескольких упаковок медицинских резиновых перчаток, коробочек с лампочками ближнего света, карты города, крестовой отвертки, сервисной книжки и томаика рассказов О. Генри, обнаружил пачку «Мальборо».

– В машине не кури, прибыю, – предупредил напарник. В словах была категоричность, не подлежащая обсуждению.

Роделло кивнул рассеянно и рывком распечатал пачку.

А потом они оказались возле озера и просидели на его берегу, спина к спине, несколько длинных ночных часов. Водка сделала свое дело, и Лэс обрушил на друга поток воспоминаний. Тот слушал молча, давая Роделло возможность выговориться. Слова, слова, слова... Но постепенно даже они потеряли смысл.

Эрик бросал в озеро мелкие камешки, а Лэс, не выдержав пульсирующей где-то внутри боли, плакал. В тот момент он не думал, что никто не будет об этом знать, кроме него самого и сидевшего рядом напарника. И не было тяжелого чувства стыда за слезы, а в голове не вертелся один из законов рыцарского кодекса – «Мужчина никогда не плачет». Ни перед кем другим он не позволил бы себе проявить слабость. Исключением из правил был человек, чье тепло он чувство-

вал сейчас. Лэс знал, что все то, что произошло, останется между ними, и больше ни единая живая душа не будет даже догадываться об этом. Слезы падали на сухой, еще не успевший остыть песок и навсегда исчезали, а вместе с ними при-туплялась боль утраты.

Вернувшись в машину, Лэс допил то, что оставалось в бутылке. Купер как человек абсолютно равнодушный к любого рода и вида алкоголю в качестве поддержания компании только приподнял стаканчик с горячим чаем. Девиз «Выпить – да, напиться – нет» воплотился в жизнь частично: если Эрик отлично соображал, то о Лэсе этого сказать было нельзя. В конце концов, он уснул. Напарник, упрятав подальше начатую пачку «Марлборо» и осторожно разложив под Роделло сиденье, какое-то время спустя последовал его примеру.

Зазвонил телефон, и Купер открыл один глаз. Ага, ну вот и кавалерия объявилась, вот и искать начали... Он выбрался из джипа на улицу и, набрав полные легкие свежего воздуха, ответил на звонок:

– Да? Привет...

– Где вы? – голос Глории был взволнованно-звонким. – Куда пропали? Энни места себе не находит... Что с Лэсом?..

– Да нормально все... Жив он, здоров... Только голова, наверно, болеть будет.

– Все же напоил его, – она сразу поняла, что было одним из номеров вчерашней программы.

– Он сам себя напоил, я только горючее для этого припас, – сообщил он. – Ладно, слава моя мирская, сейчас я осуществлю доставку тела на дом. Скажи Энни, чтоб не беспокоилась.

Солнце ласково пригревало, дул легкий ветерок, мимо, по дороге, проехала машина. Уже давно начался день и, действительно, пора было возвращаться.

III

ШОССЕ ВРЕМЕННО БЫЛО перекрыто, а вокруг грузовика и патрульной машины сновали федералы в форме. Дэн находился здесь же, когда рядом затормозил джип. Эрик сунул в рот подушечку жевательной резинки и, нацепив на нос солнечные очки, выбрался из машины на дорогу.

– Как Роделло? – подошел к нему Кинг.

– Лучше. Я его недавно домой отвез, а сам, посетивши родные пенаты, чтобы вновь обрести человеческий вид, явился на работу.

– Недавно? Вы что, всю ночь где-то болтались?

– Шеф, ты дал нам отгул, верно? – Купер не понял, почему Дэн такой злой. – И, если тут что-то за это время случилось, мы в этом не виноваты. Лучше объясни, что стряслось.

Вместо того, чтобы ответить, директор придвинулся еще ближе к подчиненному и командирским тоном потребовал:

– Ну-ка дыхни.

– В честь какого праздника? – федерал глянул на него поверх очков.

– Вы что, всю ночь пьянствовали? – Дэн явно был не в духе.

Эрик с минуту смотрел на него в упор, потом спокойно поддакнул:

– Ага, особенно я.

И тут же перешел в наступление:

– А, кстати, это что, запрещено уставом ФБР? Может, теперь Вашингтон будет говорить нам и как свободное время проводить? Если у тебя паршивое настроение, нечего сгонять злость на мне. Договорились?

Без зазрений совести он оставил шефа беситься в одиночестве и направился напрямик к патрульной легковушке, возле которой заметил крупную фигуру судмедэксперта Оскара Рока.

– Привет, Инквизитор.

Медик кивнул вместо ответа и выпрямился, глядя в сторону «питербилта». Потом указал на убитого полицейского:

– Вот так... К брошенным грузовикам добавилась еще и «мокруха». И не просто убийство, а убийство копа. Два огнестрельных – в голову и грудь. Стреляли из обреза. А вон там, – он махнул рукой, – нашли две гильзы. Камеры и запись забрали. Грамотные, скоты...

Оскар посмотрел на патрульного и тихо произнес:

– Совсем мальчишка... Жалко парня... Он ни выстрелить не успел, ни подмогу позвать. Сволочи...

Купер ничего не сказал, чувствуя, как откуда-то изнутри накатывается волна простой человеческой жалости. Да... Сколько ему тут не работать, а привыкнуть к этому он, видимо, не сумеет...

Это было первое убийство за всю серию непонятных происшествий с грузовиками. По всему штату в течение трех

последних месяцев находили машины, которые просто стояли на дороге. Иногда они были с грузом, иногда – без, но даже те, прицеп которых не был пуст, никто не трогал. К грузу, точно также, как и к самим машинам, никто не прикасался даже пальцем. Почему грузовики находили брошенными на шоссе в разных частях штата, никто объяснить не мог: все эти случаи объединяло одно странное обстоятельство – куда-то пропадали водители, работавшие на этих машинах. За прошедшее время, несмотря на все старания органов правопорядка, ни один дальнобойщик найден не был, и происшествия с грузовиками оставались покрыты тайной.

А теперь, значит, еще и убийство...

Федерал двинулся к прицепу посмотреть и одновременно навести справки по поводу груза. Двое криминалистов кропотливо и старательно искали отпечатки пальцев на замках дверей прицепа. Эрик заглянул вовнутрь.

– Так... груз опять на месте? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. – А чего везли?

Один из криминалистов, не прерывая своего занятия, пожал плечами:

– Не знаю. Это не наше дело. Сам посмотри.

– Значит, туда можно забраться? – на всякий случай уточнил он.

– Валяй, только не двигай ничего.

Уцепившись за какую-то перекладину, Купер залез в прицеп, заставленный картонными коробками, снял очки и, сде-

лав пару шагов, внимательно осмотрел ближайшую. Где же здесь этикетка? С этой стороны пусто... А с другой? Он просунул голову в зазор между двумя рядами коробок. Ага, вот она... Чего пишут? Хмыкнув, вытянул голову обратно и пробормотал:

– Печенье, на которое убийца или, скорей всего, убийцы не позарились. Делаем дурацкие выводы – они не любят сладкое и они не дети... Да, смешно, как в танке после взрыва.

Совсем рядом кто-то зацокал языком, и Эрик обернулся. У самых дверей прицепа стояла женщина-эксперт и насмешливо наблюдала за ним.

– Ну вылитый Шерлок Холмс, – сказала она.

– Неужели читала? – съязвил Купер и так, чтобы она не видела, скорчил рожу.

Это была Рут Мэллоу, известная среди коллег как Бешеная Рут. Такое странное прозвище она получила благодаря своему вспыльчивому характеру – с ней нельзя было спорить, не рискуя услышать о себе нелестные отзывы. Многие после таких стычек бывали удивлены подробностями своей биографии, о которых ранее понятия не имели. Рут, имевшая обыкновение частенько вставать не с той ноги, открытым текстом говорила осмелившимся ей перечить, кто они такие, как выглядят или с какими животными вызывают у нее ассоциации. Поэтому большинство федералов предпочитали обходить миссис Мэллоу стороной, а результаты ис-

следований и экспертиз получать через ее помощников. Если же приходилось иметь дело непосредственно с ней, федералы молча выслушивали ее пояснения по поводу проведенной исследовательской работы, а, задав вопрос, сразу же старались понять ответ. Спокойно повторить сказанное, Рут могла еще раз. От силы – два. Потом она смотрела на непонятливого так, как смотрят на безнадежно больного, и иронично спрашивала будто сама у себя: «Боже, чудо, откуда ж ты только такое взялось?» «Чудо», как правило, предпочитало не отвечать.

Купер, хотя ничего и не спрашивал, попал в разряд таких «чудес» в первую же свою встречу с Рут – она своим натренированным взглядом мгновенно выделила его среди других претендентов на «чудесное звание». Федералу же Рут моментально напомнила младшего брата – в детстве у того был такой же характер. Поэтому Эрик, на зависть коллегам, обладал своеобразным иммунитетом к хлестким отзывам Мэллоу и не боялся ей перечить – все те эпитеты, которыми она награждала его за время споров, он уже успел давным-давно услышать от брата. Впрочем, Купер редко оставался в долгу и на удар отвечал ударом. На заявление эксперта «Такие деловые умники как ты, меня в нервный тик вгоняют», он сообщил ей, что среди ее родственников, вероятно, преобладали гремучие змеи, от которых она унаследовала свой характер. Так Бешеная Рут заработала себе второе прозвище – Гремучка.

Начиная с этого момента, они стали, что называется, заклятыми друзьями.

– Что ж ты один? – поинтересовалась она. – Где твой верный оруженосец Уотсон? Он о тебе еще рассказы не начал сочинять?

– А что, хочешь скупить весь тираж? – Эрик двинулся внутрь прицепа.

– Нет там ничего, – она пошла вслед за ним. – Мы все осмотрели.

– Ай-ай-ай, как я мог быть таким недалеким!.. – ужаснулся он. – Водила опять исчез в неизвестном направлении?

– А ты думал, что мы его найдем в ближайшей канаве с плакатом «Я жду агента Купера»? – она не упустила возможности отыгаться за «ай-ай».

Коробки с печеньем закончились, и за ними оказалось еще свободное место. Странно, почему товар не положили к самой дальней стенке?.. И куда же все-таки исчезают дальнобойщики? Пропадал бы вместе с ними и груз, было бы ясно, если не «куда» так, по крайней мере, «почему» или «зачем» они пропадают. Однако тут все шиворот-навыворот: груз на месте, а водители – Бог весть где.

– Не по-нят-но... – с задумчивым видом произнес Купер. – Унесенные ветром... Бумаги на груз есть?

– В кабине лежат.

– А кто машину нашел?

– Вон, «Твикс» – сладкая парочка, – кивнула Рут на двух

подростков, стоявших у старого потрепанного «шевроле».

– А что это за женщина с ними? – федерал пригляделся к свидетелям.

– Детский психолог.

Эрик выпрыгнул из прицепа на дорогу, снова надел очки и взял курс на подростков. Сладкая это парочка или горькая – неизвестно, а вот то, что она крашенная, сомнений не вызывало. Он – с фиолетовой шевелюрой и конкретным таким «туннелем» в ухе, она – с ярко-зелеными в желтую крапинку патлами и пирсингом в правой ноздре. Разодеты, как пугала, и обвешаны килограммами металлолома. У нее вон, в качестве элегантного украшения на шее болтается банальная цепь в два пальца толщиной и замок чуть поменьше амбарного. Бюджетный вариант ювелирки.

От роду свидетелям – лет по 15-16-ть... А если с девчонки смыть всю штукатурку, то, может, еще меньше окажется.

Купер показал удостоверение психологу и, представившись, обратил все внимание на парочку.

– Ну привет... – он едва удержался от того, чтобы ляпнуть «клоуны», – ребята.

– Здравсьте, – шмыгнул носом парень.

– На карнавал или уже с него?

Подростки непонимающе переглянулись, а затем девчонка недоуменно протянула:

– Че-е-го?

– Как грузовик нашли, спрашиваю, – смахнув пыль, Эрик

уселся на капот «шевроле».

– А... это... – оживился парень и снова шмыгнул носом, – ехали просто...

– Куда или откуда?

– Да просто катались, никуда не ехали. Пол третьего где-то было... ночи... Кстати, а нам адвокат не полагается?..

– Полагается, – подтвердил Купер. – Но для этого вам надо переквалифицироваться в задержанных, в подозреваемых или в арестованных. А вы свидетели. Это во-первых. Во-вторых, я такой крутой коп, что имею право разговаривать с тобой без присутствия адвоката. Вон, мне не веришь, у шефа моего спроси – он подтвердит. А, в-третьих, я с тобой беседы веду не под протокол. Так что, не дергайся.

Парень с минуту переваривал услышанное, украдкой поглазел на шефа крутого копа, а потом, смирившись с собственной участью, тоскливо спросил:

– Закурить хоть можно?..

Федерал бросил на него косой взгляд:

– Смотря что.

– Сигареты... – потянулся он к карману хипстерской кожаной жилетки.

– Сигареты сигаретам рознь. Если с табаком – хоть и вредно, но легально, если «косяк» – в этом штате это все еще уголовно наказуемо. Соображаешь?

– Травка? Да вы что! Я же не идиот... Вот, хотите проверьте, – парень вытянул из кармана основательно затаскан-

новую пачку «Bond».

Купер достал одну сигарету, помял ее пальцами, понюхал и, убедившись, что это обыкновенный табак, отдал обратно подростку.

– Кури, – разрешил он. – Что я тебе, отец, что ль, родной, чтоб запрещать...

– Нет, слава Богу, – пацан щелкнул зажигалкой, а девчонка тоненько хихикнула. Он с наслаждением затянулся, выпустил дым через ноздри и пояснил: – Так мне лучше думается.

«А уже есть чем?» От этой фразы мыслителя спасло только присутствие психолога.

– Ты не думай, ты говори, – Эрик поставил ногу на бампер и, упершись в нее локтем, подпер голову ладонью. – Ехали вы. Дальше что?

– Дальше? Едем, значит, и видим свет фар, грузовик и патрульная машина с включенной мигалкой. Остановились, – парень пожал плечами и развел одновременно руками. – Интересно же, вдруг какого преступника ловят... Смотрели... смотрели... смотрели...

– Я с первого раза понял, что смотрели, – ускорил процесс федерал. – Чего увидели?

– Да ничего, – подросток стряхнул с сигареты пепел. – Минут пять, наверно, пялились, а потом я и говорю: «Пойду-ка я, говорю, посмотрю, в чем там дело».

– Ты этого не говорил, – встряла молчавшая до поры до времени девчонка. – Это я тебе сказала, чтобы ты пошел.

Если бы не я, ты бы до сих пор сидел и глазел на машины.

– Да что ты врешь тут? – оглянулся он на подругу. – Я сам пошел, а ты сидела и сопела в две дырочки... Кто мне дрожащим голосом шептал: «Пожалуйста, будь осторожней!»? А? Я сам, что ли?

– Что?! – завопила она, положив руки на пояс. – Ах ты, скотина!..

Сладкая парочка определенно подала на развод, еще не успев пожениться. Оба, не стесняясь окружающих, орали друг на друга. Назревший конфликт вылился в перебранку. Психолог, сначала обратившись к одному, а потом ко второму участнику разборки, попыталась конфликт пресечь, однако потерпела фиаско – парочка, набросившись друг на друга, никого не слышала.

Эрик с олимпийским спокойствием терпеливо ждал, чем закончится ссора влюбленных.

Дэн, разговаривавший с Оскаром, обернулся на вопли, а потом удивленно спросил у судмедэксперта:

– Он там с ними разговаривает или что?

– Или что, – высказал свою догадку Инквизитор.

Хлоп! Звонкая оплеуха заставила парня проглотить его последние слова, и он торопливо прижал ладонь к щеке.

– Да я тебя!.. – его глаза сверкали бешенством.

– Все, брэк! – соскочив с капота, Купер схватил влюбленных за воротники кожаных жилеток и растянул в разные стороны. – Ничья 1:1. Победила дружба.

Подростки, тяжело дыша, исподлобья смотрели друг на друга, но орать прекратили.

– А теперь послушайте меня, – нарушил наступившую тишину федерал. – Я вас послушал, так? Так. Значит, теперь мой черед говорить.

Он сделал паузу, внимательно посмотрел на них и негромко, четко произнося каждое слово, сказал:

– Так вот. Мне абсолютно до лампочки, чья это идея была – пойти и посмотреть: кого-то из вас двоих или папы Римского. Единственное, что я хочу от вас услышать, так это то, что вы увидели. По одиночке или вдвоем, мне без разницы. Ясно?.. А теперь, давай, рассказывай.

Парень встряхнулся, с сожалением глянул на раздавленную за время склоки сигарету и пригладил фиолетовые волосы.

– В общем, вылез я из машины и мимо грузовика пошел к...

– В грузовике кто-нибудь был, не заметил?

– Не, пусто было, я специально посмотрел. И вот, значит, подхожу к патрульной машине... А дверь открыта была... Гляжу!.. – он махнул рукой, выразив таким образом переполнявшие его чувства. – Из-под двери там нога в полицейском ботинке торчала. Я так сразу и понял, что готовый он уже там, легавый этот... Ой, извините, я не хотел...

– Откуда ты знаешь, что это был именно полицейский ботинок? – Эрик пропустил его извинения мимо ушей.

– Как откуда? Что ж я, копа, что ли, не видел?

– Да, согласен – вопрос не из самых остроумных.

– Вот-вот, – кивнув, пацан с великодушным видом простил ему этот промах. – Ну, думаю, если там труп, нечего и лезть туда. Я ведь в кино видел, что лезть не надо, иначе неприятностей не оберешься.

– Разумно, – усмехнулся Купер. – Значит, покойника ты не видел?

– Нет, что я дурак, что ли? Большая радость в 2 часа ночи жмуриков в полицейской форме разглядывать... Я и так чуть не кирдыкнулся, когда ногу увидел... После этого меня только и хватило, чтобы 911 позвонить. Свалить хотел, да только, думаю, все равно ведь найдете. Ну там, по следам каким-нибудь, которые я на асфальте оставил, или по одному-единственному волоску... Только позвонили, как полиция понаехала. Я еще подумал – во, охренеть оперативно-то как!

– Это они не на твой звонок так отреагировали. Просто совпало. В машине патрульного долго рация не отвечала. По окончании дежурства он не приехал обратно в участок. Начальство поняло, что пора его искать, – объяснил федерал. – Вот так-то...

– А нам так страшно было, – пискнула девчонка. – Особенно, когда они нас домой непустили...

Парень замер, мотнул головой и, только сейчас до конца осознав то, что произошло ночью, посмотрел на патрульный автомобиль. Он увидел, как люди в форме положили тело

в черный мешок, застегнули «молнию» и повезли его на каталке к «скорой помощи».

– Господи... – произнес он, едва шевеля побелевшими губами, и, зажав рот ладонью, бросился за машину.

IV

ВОДИТЕЛЬ «ПИТЕРБИЛТА» В заляпанных грязью джинсах и порванной рубашке шел по обочине дороги. Сгустились сумерки, день подходил к концу. В голове было пусто. Ничего... никаких воспоминаний... Единственное, что он хорошо запомнил – инопланетяне. Как они гонятся за ним. А потом – будто чистый, белый лист бумаги. Ни слова, ни буквы... Очнулся в траве, темно... Вроде показалось, что позади что-то бликует нервным красно-синим светом. От греха подальше, ничего не соображая, он пополз вперед. Полз долго. Потом вскочил на ноги и побежал не оглядываясь. Бежал тоже долго – пока не выдохся. Было все равно куда ползти, было все равно куда бежать – лишь бы подальше отсюда.

В итоге все это хаотичное бегство закончилось тем, что он угодил в какую-то яму и, свалившись в нее, до искрящихся звездочек из глаз приложился головой об камень. Звездочки померкли быстрее, чем рубильником гасят свет.

Очнулся, когда уже почти рассвело. Нашупал огромную вздувшуюся шишку, выбрался из ямы, огляделся и не понял, где находится. Хотелось пить и в туалет. Уборной послужила все та же яма, в которой он пустил мстительную струю точно на камень, а вот пить было нечего.

Полдня он шел по прерии, строго глядя точно перед со-

бой. В сумерках, уже откровенно умирая от жажды, наконец-то вышел к какой-то дороге.

И теперь вот... никаких четких воспоминаний...

Но для него все и так было ясно. Это пришельцы стерли ему память, чтобы он не рассказал журналистам, как внутри устроена их «летающая тарелка». Водитель провел языком по зубам – новых дырок нет, значит, лазер они не использовали, но микрочип наверняка куда-то засунули. В голову куда-нибудь? Наверно поэтому он ничего не помнит... А может... как в «Секретных материалах», в шею? Он невольно поднял руку и осторожно приложил ладонь к шее. Пальцы тут же коснулись какой-то ссадины, и водитель, будто ошпарившись, отдернул руку. Господи, точно в шею!..

Чуть проехав вперед и коротко взвыв сиреной, перед ним на обочине остановилась патрульная машина. Полицейский вылез наружу и медленно подошел к замершему дальнобойщику. Тот, ничего не видя, смотрел куда-то вдаль.

– Эй, приятель, – коп щелкнул пальцами у него перед носом, – с тобой чего?

Вздрогнув от щелчка, водитель перевел взгляд на человека в форме и глуповато улыбнулся:

– Полиция? А вы мой грузовик нашли?

– Какой грузовик? – полицейский отметил про себя его внешний вид.

– Тот красный «питербилт» с серым прицепом, груженный печеньем...

– Печеньем? На 25-ом шоссе? – озарило патрульного. – Это твоя машина?

Водитель кивнул и стал раскачиваться из стороны в сторону, пытаясь насвистывать музыкальную тему «Секретных материалов».

– У вас воды нет? Очень пить хочется...

– Ну-ка, пойдем, – полицейский за локоть потянул дальнобойщика к машине.

Устроив его на заднем сиденье и вручив своей находке бутылку воды, офицер сел за руль и взял рацию. Вдруг неожиданный пассажир вцепился пальцами в решетку и придуроченно зашептал:

– Они вживили мне микрочип в шею, а потом стерли память. И, наверно, проводили еще какие-то опыты...

– Кто это «они»? – коп тоже почему-то перешел на шепот. – Убийцы?

– Убийцы? – моргнул водитель, не понимая, о чем речь. – Да, их вполне можно считать убийцами. Мне повезло, что они меня не пришили, когда похитили...

– Кто тебя похитил?

Голос дальнобойщика понизился до едва различимого хрипа:

– Пришельцы...

Это заставило патрульного окончательно усомниться в умственных способностях собеседника. Может, он вовсе не тот, за кого себя выдает? Однако на всякий случай он

спросил:

– У тебя права или какие другие документы есть?

Водитель полез в задний карман джинсов и, достав оттуда пошарпанный бумажник, извлек из него права. Страж порядка сравнил фотографию с оригиналом и включил наконец рацию:

– Центральная, это седьмой.

Рация затрещала, и потом из нее донеслось:

– Центральная слушает.

– Звоните в ФБР, я, кажется, нашел их дальнобойщика.

Он утверждает, что его похищали инопланетяне. Везу его в участок.

– Принято, седьмой, – ничуть не удивившись, произнесла диспетчер.

Прежде, чем закончился этот разговор, фраза об инопланетянах посредством прослушивания полицейской волны была зафиксирована «слухачами» совершенно другой организации. За считанные мгновения весть достигла ушей руководителей этой организации, и вызвала в их стройных рядах радостное оживление, которое нашло выход в бурной деятельности, развитой в течение нескольких минут.

Патрульный «форд» едва успел припарковаться на стоянке перед 38-м участком, как из стоявшего неподалеку черного «эскалейда» вылезли пара крепких ребят в строгих черных костюмах и направились в его сторону.

Полицейский раскрыл перед пассажиром дверцу:

– Выходи, приехали.

Ребята в костюмах, в чьи намерения не входила пустая трата времени, решительно взялись за дело, и один из них бодро уточнил:

– Это тот самый водитель «питербилта»?

– Точно, – подтвердил патрульный. – А вы что, из ФБР?

– Именно.

Перед глазами копа промелькнуло что-то похожее на удостоверение и тут же исчезло в кармане пиджака того, что был повыше.

– Спасибо, офицер, вы оказали нам неоценимую услугу, – благодарность была полна издевательской иронии, но полицейский не понял почему именно его ею так щедро одарили.

Ребята подхватили водителя под руки и, сверкнув напоследок улыбками в 32 зуба, потащили его к «эскалейду». Через минуту трио исчезло в машине. Еще через секунду она укатила прочь от участка в неизвестном направлении.

Захлопнув дверцу, патрульный вошел в здание и, окунувшись в шумную суету любого управления, двинулся к кофейному автомату. Все, смена закончилась, теперь можно и отдохнуть. Тем более, что сегодня он отлично поработал.

– Эй, Билл! – окликнула его дежурившая за стойкой чернокожая девушка в форме. – Веди своего лунатика к капитану в кабинет, федералы сейчас прилетят.

Билл взял наполненный кофе стаканчик и подошел к стойке, потеснив какого-то типа жаловавшегося на соба-

ку своего соседа. Он орал, стараясь перекричать постоянно дребезжавший телефон.

– А они его уже забрали, – сообщил полицейский, сделав большой глоток.

– Забрали? Когда?

– Да только что, на стоянке. Все как положено: костюмы, галстуки, белые рубашки... Одним словом – пижоны.

– Оперативно они, – уважительно заметила она.

Эрик толкнул дверь участка, оглянулся по сторонам и направился к стойке, облепленной со всех сторон полицейскими, борцами за справедливость, лихачами-водителями и еще Бог весть кем. Он протиснулся между парнем, размахивавшим штрафными квитанциями, и каким-то красавцем с подбитым глазом:

– Пардон, офицер, для меня тут должна быть посылка!

– Какая посылка? – повернулась к нему дежурная. – Вроде большой мальчик, должен уже понимать, что мы посылок не выдаем.

– А до меня все туго доходит, соображаю медленно. Кроме того, мне однажды сказали, что у меня нездоровое восприятие ситуации. Так что я теперь к себе вообще с сильным подозрением отношусь.

Она внимательно посмотрела на него и неожиданно догадалась:

– Подожди... Ты чудик, да?

– Ну а я о чем! – обрадовался он. – Могу и справку пока-

зять.

Купер достал удостоверение и продемонстрировал его дежурной. Офицер глянула на документы и взглядом стала разыскивать патрульного. Тот снова наливал в стаканчик кофе.

– Би-и-лл! Иди сюда! – ее женская интуиция подсказала ей, что 38-ой участок вообще, а капитан Гримчер в частности стоят на пороге крупных неприятностей.

– Ну чего тебе еще? – он оттолкнул от стойки какого-то забулдыгу. – И передохнуть не дадут...

– Билл, тут к тебе агент ФБР... – она указала на федерала. – Он за дальнобойщиком...

– Че, и вы тоже? – патрульный усмехнулся, глядя на него поверх стаканчика. – Ребят, вы там общаться не пробовали? – он сделал глоток.

– Что значит «и вы тоже»? – выпрямился Купер.

Лицо Билла вытянулось так медленно, что можно было проследить движение всех мышц. Еще медленнее он проглотил кофе, что был у него во рту. Применив самый простой дедуктивный метод, он понял, что на него сейчас упадет ядерная бомба.

– Так его уже забрали...

– Кто? – вкрадчивым голосом поинтересовался Эрик, надевшийся, на счастье Билла, что еще не все потеряно.

– Агенты ФБР, вдвоем, такие... в костюмах и галстуках...

– Офицер, для вас что, галстук важнее удостоверения?

Они ксивы показывали? А значок был точно такой как этот? – Купер пальцем постучал по собственному значку.

– Ну я и не разглядел хорошенько... Они слишком быстро показали... – начал оправдываться коп. – Так, перед носом махнули – швить! – и привет. Водилу взяли под руки и ука- тили.

– Билл, ты кому свидетеля отдал? – уперевшись руками в стойку, спросила дежурная.

– Кажется, не тому, кому надо было... – проямлил он, поняв по выражению лица агента, что этого делать опреде- ленно не стоило.

– Камеры на парковке перед участком есть? – федерал глянул на дежурную, но та отрицательно покачала головой.

Эрик едва удержался от огромного желания пнуть стойку. Господи, что за народ! Сплошные идиоты! И такие люди ра- ботают в полиции!.. Он прошелся взад-вперед и, сделав глу- бокий вдох, на секунду задержал дыхание. Так, спокойно... спокойно... Бедняга Билл не в чем не виноват... Это не его вина...

А чья тогда, мать их?!

– Ну-ка, пойдем, выйдем.

Эта вроде как невинная фраза ассоциировалась у Билла со скоропалительным мордобоем, и он напрягся еще больше. Он, конечно, тоже не щенок, драться умеет, но черт их знает, чему там этих федералов учат, в их Академии. А ну как сей- час приложит его этот внешне спокойный агент левым ухом

об асфальт...

Купер, у которого и в мыслях не было учинять физическую расправу, вытащил патрульного на улицу, где было намного спокойней, чем внутри, в участке. Черт, увели свидетеля, увели прямо из стойла! Кто, зачем и куда – над этим голову придется поломать попозже, а сейчас...

– Где вы водилу подобрали?

– Да на сороковой миле 25-го шоссе, он шел в сторону города, – Билл еле дышал, когда отвечал.

– А он не сказал хотя бы, как его зовут или еще какую-нибудь такую незначительную ерунду?

Патрульный вдруг осознал, что сама Судьба дает ему шанс реабилитироваться. Он не мог не воспользоваться этим шансом.

– Нет, этого он не говорил, но у меня остались его права, – он с ловкостью профессионального фокусника выхватил удостоверение и передал его федералу. – А вообще он, по-моему, тронутый какой-то...

– В каком смысле?

– А в прямом. Говорил, что его пришельцы похитили и то ли память стерли, то ли микрочип куда-то вживили... А, может, и то, и другое сразу. Оборванный весь такой, джинсы грязные... Все про опыты там болтал, пока в участок ехали, и ссадину мне на шее показывал, куда якобы ему чип сунули. В общем, явно чокнутый.

Эрик выслушал его с неожиданным интересом и тоже

принялся насвистывать мелодию из «Секретных материалов». К ужасу Билла, которого эта музыка в исполнении водителя сопровождала всю дорогу до участка.

– Пришельцы, значит, похитили?.. – федерал наклонил голову на бок. – Интересно...

– Он так утверждал, по крайней мере, – полицейский ждал, что будет дальше. – А что, думаете, это правда?

– Справки по этому поводу следует наводить у Курильщика. Скалли мы вряд ли где-то откопаем, а вот пара Малдеров у нас найдется.

– Чего? – вытянул Билл шею, решив, что служба столкнула его с еще одним сумасшедшим.

– Ладно, офицер, спасибо. Если что понадобится, я вас найду, – Купер махнул ему на прощание рукой и сел в машину.

– Уж лучше бы не понадобилось... – пробормотал патрульный.

Он был доволен, что отделался легким испугом.

V

В ИХ ОБЩЕМ, ТАК называемом, офисе никого не было, когда Лэс переступил его порог. Повернув голову, он посмотрел на вешалку, стоящую в углу – на ней висели три легкие куртки. Значит, все на месте, только где-то ходят. Он прицепил на крючок куртку, сел за свой стол и обвел помещение взглядом.

Сотни раз он уже видел все это, да и отсутствовал всего 3 дня, а ощущение такое, словно его где-то носило неделю. Роделло сам не понимал, почему его удивляет тот факт, что здесь ничего не изменилось. Обыкновенный, давно привычный хаос: валяющиеся повсюду какие-то бумаги, записки, фотографии, одним словом, вся та ерунда, что поотваливалась с длинной доски объявлений. Над ящиками для хранения документов был прицеплен ватман с намалеванной большими печатными буквами красной надписью: **«ЧЕЛОВЕК (-И), ЕСЛИ ЗДЕСЬ НИКОГО НЕТ, ЗНАЧИТ, ВСЕ УШЛИ НА ФРОНТ».**

На стенах вообще уже давно не осталось свободного места и вся их площадь, почти от самого пола до потолка, была занята плакатами и какими-то належавшими друг на друга бумажками разных размеров. Среди плакатов выделялись два: один из них с надписью «Правда где-то там» изображал героев «Секретных материалов» Малдера и Скалли, а на втором

была нарисована клетка с сидевшей в ней длинноухой рыжей собакой. Шедевр венчала жизнерадостная фраза «Здесь круто!», хотя клетка подразумевала под собой тюрьму. У Лэса за спиной висела самодельная почетная грамота, где крупным и в меру корявым почерком Эрика было написано следующее: *«Выражается огромная благодарность специальному агенту ФБР Лэсли Роделло за то, что он вот уже год является напарником другого специального агента»*. Три подписи, печать... Все как полагается в официальных документах. К грамоте прилагалась награда – шоколадная медаль в блестящей золотой обертке с нацарапанным на ней пояснением – *«За храбрость и самоотверженность»*. Лэс улыбнулся, вспомнив, как они вчетвером хохотали до упаду над этой наградой, а потом невольно перевел взгляд на рабочее место напарника, находившееся в дальнем углу. Купер сам захотел, чтобы его стол запихнули именно туда. На следующий же день после переселения «Косаток» в новое помещение, на этом самом столе появилась табличка *«Не мешайте – работает гений»* и небольшая коробочка с надписью *«Для взяток»*. Денег в ней, за исключением старого мятого доллара и нескольких центов, никогда не было. Зато валялись скрепки и кнопки. Позднее к настольной лампе Купер прилепил еще одну гениальную фразу – *«Проваливай отсюда и не порти мне день»*. На стене болтался список основных прав человека согласно Декларации ООН и лист с изображением наполовину проглоченной цаплей ля-

гушки, которая, не желая быть съеденной, душила эту самую цаплю торчавшими из клюва лапами. Над рисунком лучился энтузиазмом призыв – «*Никогда не сдавайся!*» Роделло подумал, что для напарника это не пример искрометного юмора, это его девиз. Как у английских рыцарей, о которых когда-то писал сэр Вальтер Скотт.

В конце концов, из-за всех этих плакатов и табличек весь департамент стал называть офис «Косаток» Детской комнатой.

Сейчас на столе Эрика была разложена карта с заголовком «Унесенные ветром», поверх которой валялись папки с какими-то бумагами. Тут же стояла большая кружка с чаем. Над ней поднимался прозрачный пар. Лэс встал, подошел к столу напарника и принялся разглядывать карту окружавшей Хай-Корд местности с жилками автомобильных дорог. В семи местах на карте стояли начириканные толстым черным фломастером крестики. Изображение креста на 25-ом шоссе помещалось на нарисованном могильном холмике.

Дверь распахнулась, и в офисе появились трое его сослуживцев. Купер в руках держал небольшую коробку, а Луис что-то весело рассказывал. Увидев Лэсли, он смущенно умолк.

– Привет, ребята, – поднял тот голову. – Как у нас тут дела?

– У нас все по-старому, – ответил Вик, присаживаясь на край стола. – Ты как?

– Нормально, – Лэс посмотрел в окно.

Повисла неловкая пауза. Эрик ободряюще похлопал напарника по плечу и снял крышку с коробки.

– Такие раны лучше всего залечивают время и работа, – произнес Вик, выражая при помощи этих слов и сочувствие, и поддержку.

Несколько мгновений было опять тихо, потом Роделло повернулся к напарнику.

– Что это у тебя там? – кивнул он на коробку.

– Полицейская сирена на магните, – Купер с радостью ребенка, получившего новую игрушку, вытащил ее наружу. – Здорово, правда?

– Где ж ты ее достал?

– Ну... где, где... Где достал – там больше нету.

– Да, Лэс, кстати, мы Скутера повязали, – сообщил Мендоза, включив компьютер.

– Какого Скутера? Того, что про рыбу пел?

Пальцы Луиса на секунду замерли над клавиатурой:

– Ты о каком Скутере говоришь?

– Я, кажется, понял о каком, – Эрик повертел в руках сирену. – Сейчас объясню.

Он набрал полные легкие воздуха и на выдохе, отсылая всех в немецкому ретро-шлягеру, проорал:

– How much is the fish?!

Работавшие в соседнем помещении федералы изумленно переглянулись, услышав вопль, и один из них моментально

поставил диагноз:

– Совсем рехнулись.

Спецкоманда же ФБР задыхалась от хохота, когда на столе у Лэса зазвонил телефон и положил конец веселью.

– Все, я понял о каком Скутере идет речь. О том, который аудиопиратством занимался, – он снял трубку. – Роделло.

– Роделло? – уточнил уже ставший знакомым сухой мужской голос. – Ну привет, Роделло. Узнаешь?

– Нет, не узнаю.

– Узнаешь, – интонации были уверенными. – А помнишь, сколько осталось?

– Чего осталось?

– Значит, помнишь. Три года, 5 месяцев и 28 дней. Жди, Роделло.

Гудки... Лэс положил трубку.

– Опять этот недоумок персонального пользования? – Эрик накрыл коробку крышкой и запихнул ее куда-то в угол за свой стол. – Он и вчера звонил. Повезло ему, что Луис ответил, а не я...

– Что поделать, – вздохнул Лэсли. – Он обещал это делать каждый день вплоть до конца, так называемого, срока.

Преступник, регулярно звонивший федералу вот уже в течение года и напоминавший, сколько осталось до истечения заключения, в меру своего помутнившегося рассудка не понимал, что сидит не в тюрьме, а в психушке для уголовников. И совсем бы он удивился, если бы осознал, что срок его

закончится только с приходом его же смерти.

– Ты что, так и собираешься его слушать до тех пор, пока он не помрет? – Вик занял свое рабочее место и принялся рыться в бумагах.

– А я ничего поделаться не могу, – развел Роделло руками. – Он считается хорошим послушным пациентом, и пользоваться телефоном ему не запрещено. А дежурным надоело отвечать, что меня нет, поэтому я с ним каждый день и беседую. Врачи говорят, что ему надо с кем-то разговаривать, чтобы у него психика еще больше не повредилась.

– Психика? Разговаривать? – фыркнул Эрик. – Пускай с другими шизиками, такими же, как и он, разговаривает. И вообще. Когда он у себя там, в госпитале, будучи сам врачом, вроде как адекватным и нормальным, несмертельно больным пациентам кислород перекрывал, никто даже и не догадался проверить его психику. Зря ты, Лэс, не даешь мне с ним побеседовать. Я б ему мозги быстро вправил... Несмотря на полное отсутствие медицинского диплома.

– Ну ладно, ладно, он все равно своих угроз не выполнит, – с примирительным видом замахал на него Роделло руками. – Что там с грузовиками? На Западном фронте без перемен?

– С переменами, – обрадовал его Купер. – Да еще с какими!

Он рассказал напарнику о событиях прошедших дней и сообщил о новых версиях, которые они сейчас разрабаты-

вали:

– Значит, разобрались мы с патрульным. С личными и служебными связями и мотивами убийства, которые могли возникнуть на этой почве. Полный облом. Парень был по существу своему положительным и неиспорченным. В полиции работал год с хвостом, «луноход» свой получил буквально месяц назад...

– «Луноход»? – не понял Лэсли.

– Это они так свои машины называют, – объяснил Вик. – Раз получил «луноход», значит, можешь патрулировать самостоятельно, без напарника.

– А ночью им не полагается разве ездить вдвоем?

– Полагается, совершенно верно. Напарник приболел и некого было поставить в пару. Пора отпусков, выкручиваются, как могут.

– Точно приболел? – прищурился Роделло.

– Точно, точно, без дураков, – заверил его Купер. – Так вот сам убитый толком ни друзей и ни тем более врагов на работе себе завести не успел. Среди людей, с которыми он общался вне службы, врагов у него во-о-обще не было. Прикидываешь, как бывает в жизни? Чтоб мы так жили... Значит, личное и служебное вычеркиваем. Что мы, собственно, уже и сделали, – он откопал под картой на столе какой-то лист бумаги и продемонстрировал его Лэсу. Лист весь был покрыт перечеркнутыми надписями и схемами. – Дальше. Хозяин груза и та же версия. Опять мимо. Ничего подобно-

го. Конкуренции и всего такого словно и не существует для него. У него все везде схвачено и за все заплачено. «Крыша» на месте, он им отстегивает и никакой конкуренции. Черт, похоронно выразился... Нет, жмурей больше не становится, расходятся тихо-мирно, но никто друг другу палки в колеса не вставляет. Представляешь? Все у них хорошо! С таким счастьем – и на свободе!¹ На этой же почве отвалилась версия о страховке. Но мы еще ее работаем. Потом идет хозяин машины непосредственно. А им в данном случае, оказался сам же водила, который исчез. Вот попробуй и построй здесь версии! Ну и еще, конечно, остается информатор, который давал пришельцам наколки о грузовике, водителе, грузе и маршруте. С этим пока полный мрак. И это печально, потому как это уже не первый, как вам всем хорошо известно, грабеж, а информации об информаторе у нас – по нулям.

Эрик хмыкнул, наклонил голову на бок и заметил:

– Да... Информация об информаторе... Хм, интересно прозвучало... Короче, Лэс, придется нам стать Малдером и Малдером. А вообще тут такое дело... Мы вдвоем без рейнджера Уокера его не потянем.

– Да уж... – согласился Роделло без особого энтузиазма. – Но кому все-таки понадобилось уводить у нас свидетеля?

– Вероятно тому, кто не хотел, чтобы он попал к нам в руки, – высказал свою догадку Мендоза.

– Железная логика, Луис, – перегнувшись через стол,

¹ «Золотой теленок», И. Ильф и Е. Петров, парафраз.

Эрик дотянулся до кружки чая, и было непонятно: он иронизирует над словами коллеги или воспринимает их всерьез. – Но потом меня заинтересовала еще одна вещь – присутствие инопланетян. Согласитесь, это что-то новенькое, свеженькое и оригинальненькое. По версиям есть, где фантазии разгуляться.

– Только не говори, что похищение было на самом деле, – взмолился Лэс.

– Я что, похож на писателя-фантаста? Я исключительно по детективам спец.

По-русски здесь даже был бы уместен каламбур «... и по детектившам», но нет ничего более дурацкого, чем переведенный каламбур – вся соль теряется.

Поэтому шутку пришлось опустить и просто ответить:

– Не паникуй. Я не об этом.

– А о чем тогда?

– Инопланетяне были липовыми, – заявил Купер. – Наш фанат «Секретных материалов» со страху этого не понял. Я не говорю, что жизни вне планеты Земля не существует. Кстати, есть хороший афоризм, правда, не помню, кто сказал: «Как недавно установили ученые, разумная жизнь, в принципе, возможна на многих планетах, включая нашу»². Однако в данном случае все пришельцы были липовыми. Патрульный видел, кто они есть на самом деле, поэтому они его и завалили. Из обыкновенного земного обреза, заметьте,

² Автор неизвестен.

а не из лазерного бластера какого-нибудь. Обрез ранее нигде не засветился, поэтому мы опять у разбитого корыта. Ничего личного. Это, значит, первое. Второе. Во всех найденных грузовиках был груз. Кроме с 14-го шоссе и с 36-го, – он указал на карте названные места. – Остальные пять машин были груженые. Я был в прицепе каждой из них и заметил еще одну вещь – коробки с товаром уложены не от дальней стены по направлению к выходу, а наоборот, так, что за упаковками оставалось свободное место.

– Хочешь сказать, – Лэс, отодвинув в сторону вертикальные жалюзи, сел на подоконник, – что все водилы везли левак?

– Именно, – Эрик щелкнул пальцами. – Левак, который сперли пришельцы и улетели на своей блестящей тарелке, надо полагать. Возможно, в том же направлении, куда испарился наш таинственный незнакомец... Хотя, нет, имя его нам известно – Вэн Леви. Вон он, Лэс, последний справа.

Роделло глянул на доску, где висели фотографии пропавших водителей, и было написано что-то непонятное.

– Там, где один, могут быть и остальные, понимаешь? – досказал свою мысль напарник.

– Чего уж тут непонятного? А где этот один?

– Вот, теперь давай об этом. Что отличает Леви как свидетеля от просто свидетеля? Вопрос на проверку сообразительности.

Лэсли, Луис и Вик, косясь на фотографию Вэна, мыслен-

но вертели его как свидетеля и так, и сяк, пока Купер допивал чай. Опустошив кружку, он поставил ее на разложенную карту и указал на часы у себя на запястье:

– Все, сэры, время вышло. Давайте версии ответов.

– Ну ответ-то тут, собственно, один... – словно все еще размышляя, заговорил Холт. – Леви стал свидетелем в крайне необычной ситуации... Если, конечно, так можно выразиться...

– Подождите, – перебил его Мендоза, – я не согласен с определением «свидетель». Нам не известно, видел ли он вообще что-нибудь.

– Никто и не говорит, что видел. Свидетеля мы используем для удобства, – пояснил Эрик. – В общем, Вик, ты все верно говоришь. А почему ситуация необычная? А потому что инопланетяне были! Так кто мог заинтересоваться Леви в этой связи?

– ЦРУ? – потер подбородок Роделло.

– Промазал, Лэс. Сильно промазал.

– НАСА? – азартно предположил Луис.

– Теплее, но все еще мороз.

– Центр изучения НЛО, – произнес Вик. – Он же ЦИ сокращенно.

– Вот! – воскликнул Купер. – Приятно осознавать, что среди нас есть хоть один умный человек.

– Хорошо, – кивнул Лэсли. – А как проверить так ли это на самом деле?

– Ну... – Эрик стал сворачивать карту, – учитывая, что подобные организации всю информацию хранят в самом ненадежных и непригодных для этого штуковинах, то есть в компьютерах, придется покопаться в их файлах.

Трио федералов обменялось многозначительными взглядами, а потом Мендоза осторожно спросил:

– Эй-эй, у тебя что, крыша едет?

– Это слишком большой риск, – поддержал напарника Холт. – Я даже не представляю, какими могут быть последствия.

– Я не спорю, что – риск, но вы все время почему-то забываете, что мы имеем *официальное* право не соблюдать законы. Это, во-первых. Во-вторых, убит полицейский. А я не люблю, когда убивают полицейских. И, в-третьих, какие-то гады, выдав себя за нас, увели моего свидетеля, – Купер чуть наклонился вперед и голосом, в котором прозвучали суровые нотки, сказал: – А мне не нравится, когда кто-то уводит *моих* свидетелей.

Он дал коллегам минуту, чтобы они осмыслили его слова, а затем добавил:

– К тому же, ни вы, ни, тем более, я спецами в подобных делах не являемся, поэтому придется воспользоваться талантами хакера. Это я беру на себя.

– Невероятно! – заметил Роделло. – Наша контора с такими людьми борется изо всех сил, а он с ними сотрудничать собирается! Да они тебя потом с потрохами Бюро род-

ному же и сдадут!

– Те, у кого я попрошу помощи, не сдадут, – заверил его Эрик.

– Так они что, твои друзья? – ужаснулся напарник.

– Неважно, чьи они друзья. Важно, что они профессионалы. Может быть, я ошибаюсь, но почему-то я уверен, что в рамках закона ЦИ, несмотря на наши значки и полномочия, нас к Леви ближе, чем на пушечный выстрел не подпустит. Вероятно, существует какой-то другой способ решения этой задачи. Однако пока что я лично его не вижу. Пришельцы, фантастика, «летающие тарелки»... Придется идти извилистой тропой, проложенной агентом Малдером.

Взгляд Лэса ассоциативно скользнул в направлении плаката с изображением Малдера и Скалли. Действительно, разве они не правы? Ведь правда где-то там.

VI

ВНЕЗАПНО ДЛЯ САМОГО Лэса, на встречу с хакером Купер предложил ехать вместе, вдвоем. Роделло, почему-то уверенный, что напарник все действительно «возьмет на себя», удивился и на каком-то несуразном рефлексе согласился. Потом, правда, в голове мелькнула недостойная мыслишка, что лучше б ему держаться от всего этого подальше, но он устыдился собственной излишней осторожности.

Осторожности ли?.. «Ты дрейфишь, брат...» – сумел он признаться самому себе. И признание это было отвратительным на вкус.

– Мы что, едем в Маленькую Москву? – уточнил Лэс, сориентировавшись в маршруте. – Этот твой хороший человек... Он что, русский?

– А русские что, не могут быть хорошими людьми? – спросил Эрик резким тоном, и Лэс с опозданием напомнил себе, что вообще-то его напарник пускай наполовину, но тоже русский. – Тебе этот район что, доставляет массу неприятностей?

– Извини. Я просто не подумал. Во мне до сих пор говорят стереотипы времен Холодной войны.

– На всякий случай напоминаю – Холодная война давно закончилась. По крайней мере, официально.

Джип свернул с проезжей части и притормозил напротив

друга и сторонника идей Купера. Тот, сидя на террасе летней кафешки, читал газету, название которой было набрано кириллицей.

Увидев явно хорошо знакомую машину, он бросил на столик рядом с кофейной чашкой деньги и сложил газету. Незнакомец открыл дверцу, сел на заднее сиденье, и Роделло буквально окунулся в тонкий, едва уловимый аромат хорошего, дорогого парфюма.

– Привет, Леха, – Купер, глянув в зеркало заднего вида, перешел на русский. – Извини, что опоздали.

– Забудь. А это и есть твой напарник?

– Он самый. Лэс, знакомься, – он снова вернулся к английскому, – Алексей Дедиков – владелец заводов, газет, пароходов³.

– Ладно врать-то! – весело фыркнул тот и протянул Роделло руку. – Можно просто Алекс.

– Алексом он стал только здесь, – пояснил Купер, поворачивая руль и снова выезжая на дорогу. – Но человека надо звать по имени, поэтому лично я предпочитаю Алексу Леху. Это сокращенно от «Алексей».

– Я тоже предпочитаю, – усмехнулся Дедиков. – Но это была идея отца, как и две буквы «ф» на конце фамилии вместо одной «в».

– Понятно, – кивнул Роделло, украдкой разглядывая знакомца напарника. Высокий шатен с зелеными глазами. С Ку-

³ «Мистер Твистер», С. Маршак

пера ростом. Спокойный, уверенный и сдержанно-улыбчивый. Леха! Это ж пока выговоришь, язык сломаешь... И, интересно, что скрывается за этой уверенностью?..

Он Куперу – кто? Друг? Приятель? Ведь на «барабана» он явно не похож...

– А вы хорошо говорите по-английски, – признал он.

– Стараюсь, – Алексей не удержался от легкой улыбки. – А как ваш русский? Учите?

– Приходится учить, – сказал Лэсли, – потому что за нами Маленькая Москва. Вы извините, конечно, но что за язык! Куча каких-то падежей, нескончаемое количество склонений и спряжений... Окончания, в которых черт ногу сломит...

Дедиков засмеялся:

– Сочувствую. Я, когда сталкиваюсь с кем-либо, кто учит русский и плюется от грамматики, ей-Богу, радуюсь, что русский мой родной.

– Да-да, склонения и спряжения, конечно... Давай, давай, заливай, – покивал головой Купер на жалобы Роделло. – Леха, знаешь, на какую тему они, все трое, первым делом попросили их просветить? На тему русского мата! Ругаются теперь не хуже меня. Только, конечно, с акцентом.

– Прелесть какая! – сразу же проникся Алексей.

– Правда, они долго не могли понять двух ругательств с разным смыслом, произведенных от одного и того же слова. Никак въехать не могли, что значение слова меняется самым

кардинальным образом из-за смещения ударения и замены одной буквы на другую.

– Это ты о «соврать» и «украсть» при изначальном общем производном?

– О, сразу видно, что русский! Моментально меня понял!

– Кстати, все время хотел спросить, а ты-то откуда мат знаешь? Вряд ли этому тебя мама, медик по образованию, научила.

– Нет, конечно, – хмыкнул собеседник. – Во всем виноват мой пытливый ум и группа «Сектор Газа».

Дедиков посмотрел на него недоверчиво. Потом его брови поползли вверх, неожиданно сломались домиком, и он захотел, закрыв лицо руками.

Роделло, на несколько мгновений предоставленный сам себе, тут же тихонечко загуглил название группы.

– Чего «ха-ха»? Правду говорю! Моя дражайшая матушка, представительница настоящей питерской интеллигенции, в шоке была, когда я с этим творчеством к ней приперся. Мам, мол, слова какие-то забавные, но непонятные. Че за слова такие?

– И что она? – Дедиков, сдерживая улыбку, перевел дыхание.

– Маман мой пошел неверным путем, сказав, что это плохие слова и хорошие мальчики их не используют.

– Дальше, я так понимаю, к делу подключился пытливый ум?

– Точно, – подтвердил собеседник.

Машина проехала еще несколько кварталов, миновала район высоких многоэтажек и остановилась среди частных домиков.

– Так, Лэс, – Эрик заглушил двигатель и вытащил ключи из замка зажигания, – я привез тебя сюда и познакомил с Лехой потому что знаю, что могу тебе доверять. Но о том, что ты сейчас увидишь и услышишь никто больше знать не должен. Однако, как известно, самый лучший способ не выдать тайну – это вообще ее не знать. Поэтому...

– Я все понял, – Роделло распахнул дверь, – и не будь ты мне другом, я бы подумал, что ты хочешь меня обидеть.

– Тебе повезло с напарником, – произнес Дедиков, когда Лэсли выбрался из машины.

– Полагаешь?.. Я вот как-то не очень в этом уверен...

Алексею показалось, что в интонациях Купера проскользнула горчинка.

– То есть? Ты же с ним уже около года работаешь, верно?

– Даже чуть больше... Не, все ничего, и чувак он вроде неплохой... На него даже можно положиться, и он действительно в состоянии прикрыть спину...

– Но?..

– Блин, Леха, но он же правильный – просто звездец! Вообще не догоняю, как я с ним умудрился подружиться домами! Мы же как у Пушкина!

– «Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лед

и пламень / Не столь различны меж собой»⁴, – тут же продекламировал Дедиков и улыбнулся. – Вот поэтому Кинг и поставил его тебе в пару. Вы должны уравновешивать друг друга.

Роделло, стоя в сторонке от машины, стал коситься на их разговор. У него возникло нехорошее подозрение, что эти двое обсуждают не предстоящие хакерские манипуляции, а его.

Втроем они подошли к одному из домиков, и Алексей позвонил в дверь. Все, как один, прислушались. Ни звука или какого-либо шороха. Дверь просто вдруг раскрылась и на пороге появилась хозяйка дома – в джинсах, майке и домашних тапочках в виде двух собачек.

– Привет, Ирочка, – по-русски поздоровался Алексей.

Лэс с откровенным удивлением разглядывал стройную красивую шатенку с огромными и выразительными как у козули темно-карими глазами. Наклонив голову на бок, она сделала неопределенный жест.

– Ну я так и знала! Я так и думала! – у нее был приятный бархатный голос. Лэс почему-то решил, что она должно быть хорошо поет. – Тут не без ФБР...

Встав на цыпочки, она быстро, нежно поцеловала Дедикова и тут же взяла под руку Купера.

– Леша, ты ужасно рискуешь, – промурлыкала она, отступая на шаг назад и увлекая за собой гостя. – Ты же знаешь,

⁴ Алексей цитирует «Евгения Онегина».

что я очень неровно к нему дышу.

И тут же чмокнула виновника неровного дыхания в щеку.

Эрик и Алексей чувствовали себя здесь как дома. Роделло же, попав сюда впервые, с любопытством осмотрелся, и ему понравилось то, что он увидел: светло, чисто, уютно и невероятно спокойно. Вроде как все – мебель, атмосфера, какие-то безделушки и пара мягких игрушек – свидетельствовало о том, что здесь живет женщина.

Однако в углу гостиной, на большом столе стояло несколько мониторов, на экранах которых прыгали нервной пульсацией то ли графики каких-то котировок, то ли какие-то финансовые сводки. А под столом неслышно дышал, подмигивая красным и зеленым огоньками, компьютер, и Лэсли нисколько не сомневался, что начинка у него такая, что ребята из компьютерного отдела обзавидуются.

Выглядело все это внушительно и слегка неуместно.

Ира направилась на кухню, включила электрический чайник и, кивнув на Лэсли, задала тот же вопрос, что и Дедиков:

– Эрик, это и есть твой напарник?

– Ага, – Купер доставал из шкафчика кружки.

– Симпатичный, – прямо сообщила она. – Ребята, там еще должно быть печенье.

– Сама пекла? – напарник окончательно перешел на русский, и Лэс, к своему ужасу, понял, что ему придется сделать то же самое либо молчать, как рыбе. Он рассчитывал, что они все же между собой будут общаться на более привычном

языке.

– Что мне еще в тебе, Купер, нравится, помимо, конечно, того, что из всех американцев ты единственный абсолютный неамериканец... – Ира пыталась дотянуться до какой-то банки. – Слушай, достань вон ту штуковину с попугаями.

– Я настолько же американец, насколько и русский. Ровно наполовину, – федерал исполнил ее просьбу и она, поблагодарив, согласилась:

– Верно. Но, мне кажется, ты все же в большей степени русский, чем американец. И твое свободное владение английским и использование его все же как основного языка, не портит катастрофически твоего русского.

– Да-да, я в курсе, что в последнее время акцент у меня довольно заметен. Меня и самого это бесит.

– Брось на себя наговаривать. У тебя вообще не поймешь есть акцент или нет. Иногда кажется, что есть – такой легкий, практически неуловимый, когда невольно задумываешься: «Он чисто говорит или все же нет?» И однозначно тебе ооочень далеко до Брюса Уиллиса в «Шакале», Шварцнеггера в «Красной жаре»...

– Какие ваши доказательства? – в один голос, прежде, чем она успела договорить, произнесли Дедиков и Купер. Потом также синхронно захохотали.

– ...или Крайчека в «Секретных материалах», – улыбнулась Ирина. – Там эта серия про Казахстан вообще веселой была. Если бы они внизу не написали субтитров, я бы, ей-

Богу, не поняла, что говорит та блондинка.

Она задумалась:

– Да, по-моему, она была блондинка... Хотя с выражением «Организация Объединенных Наций» она справилась просто блестяще. Тренировалась, наверно, долго.

– Точно! Я помню ту серию! – оживился Эрик. – Черт, я тоже читал субтитры. О, а вторую часть «Джона Уика» помнишь? «У тибья мая машина». Честное слово, я теперь знаю, что буду говорить, звоня своему механику.

Чайник забулькал и отключился, и Ира повернулась к Лэсли:

– Кофе, мистер Роделло? Или, может, хотите чаю?

Лэс, застигнутый врасплох, на секунду растерялся. Трудность заключалась не в том, **что** ответить, а **как** ответить. Русский он изучал уже полгода, и ему уже даже приходилось говорить на нем. Ну как говорить... **Пытаться** говорить, так вернее будет. В таких ситуациях они по умолчанию пускали вперед Эрика. Они – это и он сам, и Луис, и даже Холт. Или, например, когда приходилось общаться с испанцами или мексиканцами, которые ни слова не понимали по-английски, лидирующую позицию занимал Мендоза, сам испанец по происхождению. И... тот же Купер – как парень из Техаса, где испанский чуть ли не второй государственный.

Однако из того, что было сказано за все это время именно здесь, он понял далеко не все: троица говорила не как преподаватель на занятиях – медленно и внятно, – а бегло, не огля-

дываясь на минимум его знаний. Даже Купер, гад. Мог бы хоть что-то переводить...

– Чашку кофе, – наконец произнес он по-английски, так и не сумев преодолеть психологический барьер.

Она быстро, легко пожала плечами, и по ее губам скользнула улыбка.

– Кофе так кофе, – она не возражала. – Но то, что пьют вне пределов этого района, кофе назвать нельзя. Это бурда какая-то.

Ира открыла банку с попугаями, и кухню наполнил кофейный аромат. Положив в чашку две ложечки молотого кофе, она залила его кипятком и накрыла сверху блюдцем.

– Кофе как чай – надо заваривать, – пояснила она, заметив недоуменный взгляд Лэса. – Сравните это, – она указала пальчиком на чашку, – с тем, что привыкли пить каждый день. Так, ладно, теперь о цели визита... – она повернулась к Куперу. – Давай, дорогой, рассказывай, что тебе надо от меня и моего компьютера? Лэша мне намекнул, но в детали не вдавался.

– Надо влезть в отчеты Центра изучения НЛЮ и узнать, куда они дели вот этого мужика.

Он вытащил из кармана пиджака права и протянул их Ире. В ответ она произнесла самую странную и загадочную фразу из всех, что приходилось слышать Роделло на русском. Она поправила непослушный локон и сказала:

– Проще пареной репы.

Ира села за свой монструозный стол и поманила Купера:

– Работать так работать. Значит, сегодня ЦИТ. Это я так их окрестила. «Т» значит – «тарелки».

Сегодня? Лэс вдруг понял, что его напарник уже не в первый раз нарушает закон. Ему, привыкшему придерживаться инструкций, даже при всех их разрешениях не соблюдать правила игры, у которого даже в мыслях не было, нарушать что-то, если все возможно исполнить в рамках закона, показалось это дикостью. Если законы пишут и создают, значит, рассчитывают, что им будут повиноваться. И сейчас, на его глазах, закон, который он поклялся охранять, нарушат снова. И кто? Его же напарник! А что, что он может сделать, чтобы этого не случилось? Ничего, абсолютно ничего. Кроме того, он автоматически становится **соучастником** этого преступления. И теперь Роделло стало понятно, откуда берется та информация, происхождение которой Купер туманно пояснял известными выражениями «сорока на хвосте принесла» или «разведка доложила». Лэсу это с каждой минутой нравилось все меньше и меньше. Ему не нравилось, что Купер нарушает закон. Ему не нравилось, что он не может помешать этому. И, наконец, ему не нравилось то, что Эрик оказался прав, сказав, что к Леви ЦИ не подпустит их и на пушечный выстрел. Поклонники гуманоидов наотрез отказались сотрудничать и чуть ли не в открытую сказали, что плевать они хотели на ФБР с высокой колокольни. Напарник еще пошутил по этому поводу: «Да? А, может, и не с коло-

колькин вовсе? Может, прямо из космоса?»

Пальцы Иры бегали по клавиатуре, легко ее касаясь. Она набирала какие-то одной ей известные коды и пароли, в результате чего через некоторое время проникла в компьютерную сеть ЦИ.

– Вот, – произнесла она, – в правительстве сидят одни лопухи. Я взломала их базу данных еще два месяца назад. Знаешь, чем Бог отличается от Билла Гейтса и иже с ним? Бог не думает, что он Билл Гейтс.

– Умная женщина – мечта поэта, – усмехнулся Купер и, покосившись на Дедикова, тут же с ходу предложил: – Ир, выходи за меня!

– Нормально вообще... – Алексей шутливо-ошарашенным жестом потер подбородок. – Пригрел гадюку на груди. Не успел глазом моргнуть, а он у меня уже невесту уводит!

Ирина засмеялась:

– Лешенька, а я тебя предупреждала, что ты рискуешь!

Роделло ничего не понял из этого диалога. Только по интонациям догадался, что перепалка несерьезная, а откровенно дружеская, ироничная. Переводить суть ему никто не собирался, и он в очередной раз прикинул – а тогда зачем он здесь? Он сделал глоток из чашки и, ощутив насыщенный настоящий вкус кофе, с глупой основательностью и недоверием взгляделся в темный, почти черный напиток. Действительно, очень сильно отличается...

Вот тебе и тапочки в виде собачек.

Ира тем временем положила перед собой права:

– Так, попробуем имя. Леви, Вэн. Сейчас проверим, где он у них фигурирует...

– Да... – отозвался Купер. – Если только они не придумали ему кодовое имя...

Имя настоящее было со скоростью света впечатано в какую-то графу. Щелкнула клавиша ввода, и экран словно подморгнул. Через мгновение на нем возникла фотография дальнобойщика, дата и место его рождения, профессия... Все, вплоть до цвета волос и глаз.

– Я же говорю – лопухи, – Ира похлопала руками по ладони. – Они даже не удосужились закодировать секретную информацию. Это ведь секретная информация?

– А как же, – заметил Дедиков.

Эрик хмыкнул, бросил взгляд на хмурого напарника и попросил:

– Давай посмотрим, что тут написано.

– Пожалуйста, – она щелкнула кнопкой «мышки», и текст пополз вверх. – Что конкретно тебя интересует?

– Хочу узнать, где он сейчас.

– А вот где, – ее палец скользнул вдоль какой-то надписи.

Федерал, нагнувшись, прочитал название заведения и поверх плеча посмотрел на Роделло.

– Лэс, глянь, куда они его упрятали, – наконец-то он вспомнил и английский. – В психушку Хай-Корда! С диагнозом белая горячка! Что скажешь?

Роделло ничего не сказал в тот момент. Он высказал все, что думал, позднее, когда, подбросив Алексея до дома, они остались с Купером тет-а-тет.

– Боюсь, я сейчас задам дурацкий вопрос... – начал он. – Но не задать его я не могу, потому что, если честно, начинаю сомневаться...

– Ладно, Лэс, – поморщился Эрик, – давай без лирических отступлений.

– Ты вообще понимаешь, – Роделло повращал кистью у головы, – что делаешь?

Купер исподлобья окинул его тяжелым взглядом:

– Это ты о том, что видел? Ответ на твой вопрос положительный. Да, я понимаю, что делаю. Я нахожусь в здравом уме и доброй памяти.

– Речь идет не только о твоих методах работы, на это уже давно и шеф, и я закрыли глаза.

– Премного благодарен, – Эрик понял, что Лэсли настроен читать проповеди и морали. Шок у парня культурный, сейчас чушь нести начнет.

– Вот только не надо этого паясничества! – голос Роделло был насыщен раздражением. – Я говорю о твоих не внушающих доверия друзьях.

– Кому не внушающих? – тут же последовал вкрадчивый вопрос.

– Эти люди – преступники! Кто этот твой Алексей? Какой, к черту, бизнесмен?! Я хренюю, дорогая редакция! Откуда

ты его вообще знаешь?!

Купер отутюжил напарника взглядом. О-о, мистер Совершенство, тебе лучше не знать, откуда я его знаю...

– Да так... в хоккее когда-то вместе играли... – соврал он, чтоб не добивать сослуживца окончательно.

– Бизнес у него! Как же! – Лэсли разошелся не на шутку. – Он же наверняка главарь мафии в Маленькой Москве!

Эрик вздохнул – ну наконец-то... Наконец-то мы дошли до самого главного. Раз русский, значит, сволочь. Нет, в этой долбаной белобрысой голове Холодная война в самом разгаре.

– А-а, ну да... – протянул Купер. – Он же русский – что автоматически делает его мафиози! Следовательно, он наш враг, причем, под первым номером. У Америки вообще два врага и две паранойи – русские и пришельцы. И первые намного хуже вторых, несмотря на свое вполне земное происхождение.

– Им надо в тюрьме сидеть, а не на свободе шлаться! – слепо гнул свое Лэс, не заметив, что уже не говорит, а орет. – Твой долг посадить их, а не просить у них помощи! А ты их друзьями называешь! И кто ты после этого?!

– Не судите о человеке по его друзьям – у Иуды они были безупречны...⁵ – сказал Купер, скорее отвечая собственным мыслям, чем коллеге. Роделло его в любом случае не услы-

⁵ Автор цитаты Поль Валери (Paul Valéry) – французский поэт, эссеист, философ.

шал.

В итоге Эрик остановил машину, повернулся к напарнику и стал просто на него смотреть. Все существо Лэсли, вся его сущность, восставала против того, что он увидел, но проблема скрывалась не столько в нем самом, сколько в его беспрекословном подчинении правилам. Купер, проработав с ним год, в течение всего этого времени откровенно недоумевал: что заставило Дэна Кинга принять Роделло в состав спецкоманды, действия которой могут не укладываться в рамки закона? Неужели тот факт, что Лэс на своем потоке оказался лучшим курсантом?

Но, черт, он же действительно тошнотворно правильный – как хренов квадрат! Прямо, ходячее Святое Писание. Из грехов – только один: курит.

В конце концов, Куперу надоело пламенное выступление Лэсли, и он безапелляционно его перебил:

– Все сказал?

Роделло, несмотря на потерянный на несколько минут самоконтроль, услышал этот вопрос. И, главное, он услышал тон, каким вопрос был задан. Тон не предвещал ничего хорошего и служил предупреждением – внимание, Купер начинает злиться. Фраза «Не буди во мне зверя» к тому времени теряла смысл, потому что зверь был уже разбужен. И тогда исчезал куда-то хорошо всем знакомый друг, коллега и напарник, и появлялся человек, которого знали немногие и который мало, чем напоминал привычного Эрика.

– Я сам решу, кого мне сажать, а кого считать своими друзьями, – в ставшем жестким и холодным голосе заискрилась злость. – Договорились? Я, по-моему, не указываю тебе, как жить.

– Нет, не указываешь, – Лэс постарался осадить свои эмоции, повторяя про себя забытое всего на мгновение золотое правило общения с напарником: «Не ори на него! Не ори! Нельзя на него орать!» – Но если эти люди... Господи, «если»! Да они непременно попадутся со всеми своими махинациями! И ты станешь их соучастником, потому что они тебя заложат!

Эрик долго не сводил с него взгляда, а потом с расстановкой спросил:

– Ты что, больной?

– А что, похож?

– Сейчас – да. Неужели ты не понял, что это за люди? Перестань видеть в них только преступников. Они **не** преступники.

– А как же, по-твоему, называется незаконное проникновение в файлы ЦИ? – поинтересовался Роделло ядовитым голосом.

– А ты можешь проникнуть в них законно? Тогда иди и проникай, – парировал Купер. – Пойми, наконец, что правосудия нельзя добиться только честным путем. Вильгельм Швებель однажды очень метко заметил, что, когда приличные люди спотыкаются о законы – значит, законодатели бы-

ли глупцы или жулики. Прекрати бояться нарушить установленные законом правила. Пра-ви-ла, от которых, в конечном итоге, выгоду получает только сам закон. Да, знаю, сейчас ты вспомнишь о Фемиде. Ну а ты посмотри на нее! Такая уж она справедливая? Хоть у нее глаза и завязаны постоянно, она только в залах суда слепа, где адвокаты, судьи, большие деньги и дорогие костюмы. Слепа именно там, где должна быть зрячей! Там можно проворачивать сколько угодно махинаций, и она не обратит на это никакого внимания. Другое дело улица. Здесь эта сука все видит. Господи, да кому я это говорю! Ты же юрист! Но, черт возьми, нельзя все, всегда и везде делать по инструкции, потому что хорошим для всех все равно не будешь. Еще раз повторю то, что говорил уже ни раз – система делает беззащитным. Алексей и Ира не являются частью этой системы, поэтому к ним можно обратиться за помощью. И они не попадутся, потому что, чтобы их поймать, нашей полиции сперва нужно понять и узнать этих русских! Они, Лэс, не те дураки и поголовные тупые недоумки в ушанках, какими русских изображают в нашем кино! О, я прекрасно понимаю, что все это наследие эпохи МакКарти, и моего чувства юмора хватает, чтобы иногда смотреть эту откровенную «клюкву» краем глаза, но мне в любом случае претит, что меня там изображают идиотом и придурком!

Эрик удивился сам себе – целый монолог экспромтом произнес. Гамлет... А все почему? Да потому что задолбали уже все своей однобокостью и ограниченностью! Сами иди-

оты! Если русский, значит, кретин или уголовник. Помешались на своей безопасности, параноики, и теперь всех под одну гребенку!

Он задержал дыхание, давая улечься возмущению, и медленно выдохнул.

– Они нас, в своем кино, наверняка тоже не гениями изображают... – вступился за родную нацию Роделло.

– Ну уж и не такими придурками как мы русских точно! Я знаю, потому что видел. Могу и тебе показать. И надписи, между прочим, они грамотно пишут. А не так, как наши – пальцами постучали по русской раскладке абы как и сойдет. А у нас положительные русские только в экранизациях «Войны и мира»! И то, потому что базу под сценарий гений написал.

– Я не о кино с тобой сейчас пытаюсь говорить.

Лэс смотрел в сторону и не видел проходивших мимо пешеходов. У него не укладывалось в голове то, что он услышал. Ладно бы это говорил кто-то ему незнакомый, он бы махнул на него рукой – пускай трепется! Но это была философия человека, работающего в системе правосудия, и не просто человека, а его друга и напарника! Нарушать закон... Если закон будут нарушать даже копы, те, кто обязан его защищать и чтить, то что уж тут говорить о преступниках?

– Иногда я тебя не понимаю... – признался он.

– Не понимаешь? Почему? Потому что я думаю не так,

как все? Знаешь, что? Я рад этому, я рад, что меня так воспитали. Я такой, какой есть. И мне сильно по хрену, что там обо мне думают, я привык играть в меньшинстве.

– Выступающий гвоздь всегда первым получает по шляпке, – напомнил Роделло и, перестраховываясь, на всякий случай занял оборонительную позицию.

– И что, это повод, вколачивать его до тех пор, пока он весь не вылезет по другую сторону доски? В людях вообще есть какое-то невообразимое пристрастие к стандартам, к желанию всех уложить в одинаковые рамки, подогнать под одни лекала. Не замечал? И когда попадается кто-то, кто от всех отличается, его готовы смести, запинать, забить – заставить согласиться с большинством любыми, самыми примитивными и варварскими способами, и принять как истину в последней инстанции, что именно оно, большинство, всегда и во всем право!

Эрик не собирался загонять его в окопы. Он понимал: этот разговор, этот эмоциональный всплеск – результат недовольства друг другом. Все, что накопилось за год, все что медленно закипало внутри, все, что огненно накалялось, наконец вырвалось наружу – как лава из вулкана. Адским фонтаном прямо из преисподней. И погнала лава вниз, по крутым склонам не только служебных отношений, все претензии, все недомолвки, все вынужденные уступки, все тяготы взаимного сосуществования в одном кабинете, в одной машине, в одном временном пространстве. Она обжигала и де-

лала больно, обнажая непостижимую и порой неприемлемую сущность сидящего напротив человека, но боль эта одновременно и лечила, освобождая от груза взаимных упреков.

Лэсли почувствовал себя уязвленным и сиплым, придуренным от негодования голосом спросил:

– Значит, я – это большинство?.. Значит, я один из тех мудаков, кто всех подгоняет под стандарты?..

– Да хрен тебя разберешь! – рубанул с плеча напарник. – Ты слишком честный и слишком правильный. И в этом, как мне кажется, твоя главная проблема. Из-за своей излишней честности ты забываешь о нашем праве не соблюдать законы.

Честный? *Слишком* честный? Роделло не знал, как воспринимать это заявление. То ли как оскорбление, то ли...

– Знаешь, что? – он решил, что церемонии излишни. – Я, может, и мудака, любящий стандарты... Может быть, я даже слишком, – он интонационно выделил это слово, – честный и правильный мудака. Но ты мудила еще покруче моего, раз не понимаешь, что я хочу спасти тебя, придурка, от тюряги!

– Спасти? – вопреки ожиданиям, сослуживец проигнорировал все оскорбления и только прищурился: – Никак не могу узнать тебя в гриме... Ты, спасатель, кто? Чип или Дейл?

– Ты псих, Купер, – с нехарактерной для него прямолинейностью отозвался Роделло и поставил тем самым категоричную точку. – Я подозревал это с первых дней нашего знакомства.

– И что это меняет?

Двигатель джипа негромко заурчал, и машина отъехала от тротуара. Пробовать переубедить Эрика Лэс больше не пытался – понял, что это бессмысленная затея, но этот разговор, который ни к чему не привел, заставил его по-новому взглянуть на напарника. Что действительно скрывается за этими спокойствием и непредсказуемостью? Что таится за легкостью общения и остротой слова? А что вообще он знает о Купере? Он неохотно вынужден был признаться сам себе, что ничего, кроме самого очевидного. Очевидного? Или того, что по желанию Эрика он знает о нем? Лэс понимал, что у каждого человека есть свой маленький внутренний мир, и дверь в его собственный мир давно была открыта для напарника. Купер был в курсе всех его проблем, но сам наоборот редко что ему рассказывал и в свой внутренний мир пускал далеко не каждого. Роделло не был уверен, что у кого-то вообще есть туда доступ. Разве что только у Глории, которую Эрик неожиданно подпустил ближе, чем кого-либо.

Подпустил, но впустил ли?..

А что еще от него можно ожидать? Сегодня он нарушил закон и сотрудничает с... теми, с кем нельзя сотрудничать федеральному агенту. А завтра? До чего Купер в состоянии додуматься и дойти завтра или после завтра, Лэсли предпочел не думать. Однако осознал, что не только иногда не понимает его, но и просто боится. Это чувство было неприятным.

Иногда он недоумевал, как умудрился даже *подружиться* с Эриком – ведь у них не было никаких общих интересов, никаких обязательных точек соприкосновения! Роделло любил бейсбол – напарник жить не мог без хоккея. Лэсли предпочитал джаз – этот слушал рок. Роделло читал фантастику – Купер ее на дух не переносил. Лэс обожал посидеть на берегу озера с удочкой – Эрик был поклонником фотоохоты. Роделло после работы мог пропустить стаканчик-другой в баре – этот вообще почти не пил. Даже пиво!

Лэсли еще в самом начале их совместной трудовой деятельности пытался как-то предложить посидеть в баре – просто после работы, просто обыкновенный мужской треп про машины и девчонок, просто чтобы разобраться, что за парень достался тебе в напарники, – но визави отказался. «Абсолютно равнодушен к алкоголю. Да и бары не люблю». И пожал плечами.

После этого Лэс вообще начал сомневаться, что в напарники ему достался человек. Это ж не человек, это ж чудо какое-то без перьев!

И тогда Энни, жена, предложила: «Пригласи его к нам на ужин. Он женат?.. Тогда пускай приходит с подругой».

Как не странно, но это действительно сработало. И Лэсли вдруг обнаружил, что напарник вполне себе хомо сапиенс, а не существо с другой планеты. И даже выпить он может. Правда, за вечер он приговорил всего лишь бокал вина, да еще и воды к нему попросил – сказал, что обычно вино пьет

как древние греки: бокал вина на бокал воды.

После этого ужина Купер стал ему чуток ближе. Но вряд ли понятней. Зато Энни он понравился. «Он классный, – улыбнувшись, вынесла она вердикт. – Очень интересный». И Роделло внезапно ощутил укол ревности.

Правда, через минуту он уже почувствовал себя отмщенным, припомнив, что ему очень понравилась Глория.

Джип подкатил к его дому и остановился прямо напротив входных дверей. Лэс уже опустил ногу на асфальт, когда, глядя прямо перед собой на дорогу, признал:

– Система, говоришь?.. Я не знаю, радоваться этому или нет, но ты частью этой системы точно не являешься.

Захлопнув дверцу, он не оглядываясь пошел к дому.

VII

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА Хай-Корда располагалась ближе к окраине города и была окружена высоким каменным забором. В смысле психических заболеваний Хай-Корд считался благополучным городом, поэтому в нем была всего одна больница для рядовых граждан. Имелась, правда, еще одна больница, но она была закрытого типа, и там содержались преступники.

Белое здание находилось в центре тенистого просторного парка, куда выводили на прогулки спокойных покладистых больных. Буйные пациенты чаще сидели в отведенных им комнатах-камерах с забранными решетками окнами. За одними и за другими вели неусыпный надзор врачи, санитары и медсестры.

К железным воротам больницы подкатила машина «скорой помощи», и охранник, читавший газету, неохотно вылез из своей будки. Напялив кепку, он вразвалочку подошел к водителю.

– Привет, – поздоровался он. – Еще одного для ЦИ привезли?

– Не знаю для кого это, – ответил Вик, сидевший за рулем. Для полной картины к тому равнодушию, что сквозило в его голосе, оставалось только сплюнуть. – По мне так хоть для двух ЦИ. Нам сказали привезти – мы и привезли.

– Ладно, сейчас узнаю. По идее вас уже должны ждать.

Охранник вернулся в будку и, сняв трубку, набрал какой-то номер. С минуту он с кем-то разговаривал. Потом металлические ворота поползли в сторону, и он махнул рукой. Машина въехала на территорию больницы и покатила по направлению к зданию.

– Документы все на месте? Проверил? – теперь голос Холта стал напряженным.

– Сотню раз, – Мендоза в форме санитара, нагнувшись, вытащил из «бардачка» бумаги.

Луис вытер рукавом внезапно вспотевший лоб и прицепил за карман рубашки пропуск. Несмотря на то, что эта операция была официально одобрена Дэном, он волновался. Играть в такие игры с ЦИ было более, чем просто опасно. Единственным утешением служил тот факт, что в психушке никто не будет задавать лишних вопросов. Это пациент Центра и точка. Ухаживайте за ним как за всеми, а остальное уже не ваша головная боль.

Главное, только чтоб всякой дурью колоть не стали. Но это он проконтролирует.

Перед приемным их уже ждали трое – врач и два санитары. Вик остановил машину и подмигнул Мендозе:

– Давай, напарник. Удачи вам. Связь, в случае чего, через любимую мамочку.

Луис прихватил документы и выпрыгнул из машины.

– Добрый день, – он улыбнулся делегации. Улыбка была

максимально лучезарной. – Меня зовут Денис Блэк, я приставлен к вашему новому пациенту. Что-то вроде личной няньки.

– Да, нас предупредили, – врач пожал ему руку. Ладонь у него была неожиданно мягкой. – Что ж, добро пожаловать в нашу команду, мистер Блэк.

Врача звали Грегори Дуэйн, санитаров – просто Джон и просто Джек. «Как собак», – ухмыльнулся про себя федерал.

– Ну давайте познакомимся с нашим очередным, так называемым, постояльцем.

Луис протянул ему папку с документами, и Дуэйн пролистал их.

– Официальный диагноз – белая горячка. Delirium tremens, – произнес он название по-латински. – Но на самом деле он ведь видел пришельцев, верно?

– Эту информацию нам запрещено обсуждать, – сказал Луис, стараясь, чтобы фраза получилась внушительной. – В том числе и с другими сотрудниками нашей организации. Подчас мы не знаем о существовании друг друга. Советую не заострять внимание моих коллег на новом пациенте.

– Понимаю, – кивнул врач. – Хорошо, давайте посмотрим на... – он заглянул в папку, – Чарли Гормана.

Мендоза глубоко вздохнул и щелкнул замками на дверцах машины. Санитары, и вправду похожие на охотничьих собак, застыли наготове у него за спиной. «Они бы еще сеть при-

хватили», – подумал он и потянул дверцы на себя. Ослепительный солнечный свет хлынул внутрь, и санитары увидели нового пациента больницы.

– Давай, выходи, приехали... – у Луиса с языка едва не сорвалось «Эрик», но он вовремя исправился: – ... Чарли.

– Куда приехали? – Купер в каких-то старых потертых джинсах и рубашке, с взъерошенными волосами выглядел по-настоящему испуганным. В руках он держал облепленную значками кепку.

– Туда, где тебе помогут, – у Мендозы перед глазами стоял напечатанный текст сценария. Весь спектакль предназначался для сотрудников больницы. А сыграть надо было как можно убедительней...

Эрик, прижав к себе кепку, боязливо выглянул из машины, заметил санитаров и врача и вдруг закричал:

– Я не идиот! Зачем вы меня сюда привезли?!

Этого в сценарии, сочиненном собственноручно Купером, не было. Вылезти он должен был без шума и гама. «Черт, вечно он со своими импровизациями!» – ругнулся Луис, ментально покрывшись испариной и гадая, что ему ответить, чтобы не завалить все дело. «Убью гада!» Осуществить насилие над личностью вероломного коллеги ему захотелось немедленно же, но Эрика спасло присутствие свидетелей.

– Успокойся, Чарли, никто и не говорит, что ты идиот, – подходящая фраза подвернулась достаточно быстро. – Тебе

просто надо отдохнуть, прийти в себя... А будешь плохо себя вести, тебе сделают успокаивающий укол. Понял?

– Нет! Не надо уколов! – пациент сжался, на лице проступил испуг. – Хватает тех, что мне кололи инопланетяне...

– Он вообще спокойный, – сказал Дуэйну Луис. – Просто после поездки нервничает... Куда его вести?

– Сектор «В», комната №273, – ответил врач. – Джек вас проводит, а потом покажет всю больницу.

Мендоза, вытаскивая «пациента» из машины, одновременно прошипел ему на ухо:

– Черт, гад, я чуть в собственном поту не утонул от страха!

Эрик издал звук, напомнивший Луису радостное хрюканье, и перешел на испанский:

– Жалко Киноакадемия не видела! Мы бы «Оскара» вне конкурса урвали!

– Холера, ты хоть предупреждай, что ли! – отозвался Мендоза на том же языке.

– Он что, иностранец? – удивился Джек, еще внимательней посмотрев на пациента. – На мекса вроде не похож...

– Нет, его просто клинит, – неопределенно ответил Луис и напялил кепку Эрику на голову. – Мы готовы.

Санитар, махнув рукой, гордо зашагал вперед через приемное. Федералы последовали за ним, поглядывая по сторонам. С виду – обыкновенная больница, только намного спокойней, без суеты и шума, чисто и светло, потому что стены выкрашены в белый цвет, и, главное, в воздухе не витает за-

пах лекарств. Навстречу им прошли две молодые медсестры, и все трое синхронно обернулись им вслед.

Джек нажал кнопку вызова лифта и, только оказавшись в его кабине, заговорил с новичком:

– Там на первом этаже, за приемным, находится сектор «Х» для буйнопомешанных. Захочешь попугаться – попросись как-нибудь с Дуэйном на обход. Почище, чем в аду.

Эрика так и подмывало спросить у него, на самом деле он, что ли, был в аду, если сравнивает с ним сектор «Х», но пришлось сдержаться. Луис же только кивнул в ответ, отметив, как быстро Джек стал вести себя с ним по-приятельски.

– Здесь, на втором этаже, когда очень тихо, можно услышать, как они там вопят, будто проклятые души, – сказал санитар.

Купер решил, что он, похоже, основательно повернут на религии, а Мендоза захотел узнать, сколько всего там буйнопомешанных.

– Штук тридцать, наверно, – ответил Джек. – И еще столько же примерно комнат пустые стоят. Тех, кто там работает, мы называем группой риска. Они говорят, что там даже один тип сидит, полностью чокнутый, на него маску надевают, когда куда-то выводят. Так, говорят, что он людоед, на людей бросается и кусает их. Большой поклонник доктора Лектера. Считает себя его последователем. Полный шизоид.

– Да уж, весело там, я чувствую, – Луиса всего передернуло, а Эрик, мечтательным взглядом пялясь в потолок лиф-

та, подумал, что, пожалуй, посмотрел бы на этого фаната «Молчания ягнят»... Правда, с разумного расстояния – так, на всякий случай. Книга, кстати говоря, приотличнейшая. Как и фильм – сэр Энтони все 20-ть минут своего экранного времени невероятно харизматичен.

Они подошли к 273-ей комнате, и Джек вытянул из кармана брюк внушительную связку ключей. Выбрал один, сунул в замок, легко повернул... Дверь открывалась наружу.

– Это чтобы психи не могли встать за дверью и огреть тебя табуреткой, когда войдешь к ним, – пояснил санитар. – И вообще, видишь, никаких карточек или электронных замков – простой ключ гораздо надежней.

– Ну, Чарли, – Луис подтолкнул сослуживца в комнату, – вот тебе новая временная квартира.

– По какому праву вы меня сюда сажаете? – опять завел он старую пластинку. – Я не псих! Я буду на вас жаловаться в ООН!

– Ладно, умник, давай, заходи, – приказал Джек, ковыряя зубочисткой в зубах. – Иначе мы тебя туда затолкаем. И переодеться не забудь.

– Все равно буду жаловаться, – прозудел Эрик и вошел в отведенную ему комнату. – В международный суд в Гааге!

– Пожалуйся лучше в твиттере – больше толку будет, – порекомендовал санитар и захлопнул дверь. Купер услышал, как он спрашивает у Мендозы: – Гаага?.. Это где ваше?

Щелкнул замок. Наступила тишина. Теперь федерал стал

одним из пациентов психиатрической больницы.

VIII

ОСТАВШИСЬ В ОДИНОЧЕСТВЕ, Купер осмотрелся. Комнатка небольшая, прямо-таки крошечная. На двери ручки нет. Меблировка мало чем отличается от камеры в тюрьме: кровать, раковина... Но в камерах редко, когда встретишь отдельно стоящие стол со стулом, а здесь было и то, и другое. Эрик попробовал сдвинуть кровать. А вот и облом! Привинчена... Он проверил стул и стол. Стол – то же самое, а вот стул можно спокойно двигать. Большое окно без решетки. Сторона, похоже, солнечная. Днем жарко, вероятно, до одури, но должна спасать система кондиционирования. Да и потом – он же здесь целыми днями не будет сидеть, как проклятый. Он – спокойный, послушный пациент, а таким положены прогулки по саду. Или по парку. Или по оазису с благотворно влияющим на больных воздухом. Или... в общем, как они это тут называют...

Вздыхнув, он сел на кровать и уперся в нее ладонями. Вот, докатился, психа в дурке изображает. Он усмехнулся, подумав, что многие были бы рады, попади он сюда по-настоящему. С настоящим диагнозом и под своим настоящим именем. То-то был бы праздник по обе стороны фронта... Но шиш, не дождетесь.

На подушке лежал комплект больничной одежды. Федерал подтащил его поближе, внимательно разглядел и еще раз

вздыхнул. Дурдо-ом... Костюмчик был явно маловат, в него хорошо если Глория влезет, но никак не он сам. И обувь тоже как для какого-то гнома. М-да, интересное заведение...

Минут сорок он сидел в полной тишине, ожидая возвращения Луиса и санитара. Наверняка ведь придут проверить переоделся он или нет.

Так оно и случилось. Сначала открылось маленькое наблюдательное окошко на двери, а затем и сама дверь.

– Ну, в чем дело, почему не переодеваешься? – командирским тоном спросил Джек. Мендоза за его спиной пытался не расхохотаться, поняв, в чем загвоздка.

– Размерчик не мой. Это на кого-то карлика рассчитано.

Санитар сгреб одежду в охапку:

– Какой у тебя размер?

– А я не знаю, – Купер пожал плечами и улыбнулся ему ласковой улыбкой.

– А обувь хоть знаешь?

Эрик поднял ногу и показал Джеку подошву кроссовки.

– Десятка?⁶ – пригляделся тот. – Ну и что, я теперь должен весь склад перерыть, чтоб твой размер найти?

– Можешь в магазин съездить, – подсказал пациент. – Предпочитаю низкие кеды «Converse». Черного цвета либо цвета индиго. Впрочем, любой другой тоже подойдет. Главное, не розовый.

– Слушай, Блэк, – санитар обернулся на Луиса, – он точно

⁶ 44 размер.

псих? Что-то он слишком борзый для придурка.

– Ну так «сумасшедший» не означает «идиот», – заметил Мендоза.

Еще минут сорок прошло в одиночестве, но, когда санитар, в сопровождении Луиса, вернулся, на его лице было написано нескрываемое торжество. В руках он держал новый комплект больничной одежды.

– На вот, – он сунул комплект Куперу в руки. – И пижама здесь же. А кеды, извини, не завезли, – Джек бросил на пол пару белых мокасин. – Ни черных, ни индиго.

– А что, зелененьких тоже не было? – разочарованно-наивным голосом поинтересовался Эрик, и Мендоза заметил, что коллега веселится вовсю.

– Извини, договор заключить не успели. Не знали, что ты приедешь.

– Я буду жаловаться! – снова заявил «клиент». Подумал и добавил: – В твиттере!

– Смотри-ка, – хмыкнул санитар, глянув на Луиса, – а он точно не идиот. Учится быстро.

– Я зайду забрать твою одежду, – сказал Мендоза перед тем, как дверь снова закрылась.

Пришлось переодеться. Если уж изображать полоумного, то во всех деталях. На этот раз костюмчик пришелся впору, но был самым необычным и непривычным из всех, что приходилось надевать федералу.

– Весело... – буркнул он, оглядев себя со всех сторон. –

Конспираторы хреновы...

Заложив руки за голову, Эрик подошел к окну. Сгущались сумерки. Медсестры уводили последних больных из парка. Большую часть пациентов они просто сопровождали, некоторых – вели, бережно поддерживая.

Это был совершенно другой мир, который от остальной Вселенной отделял не только высокий каменный забор. «Оставь надежду всяк сюда входящий...» Кажется, это так называется?.. И многие из тех, кто жил здесь... Жил ли?.. Нет, не жил, потому что это нельзя назвать жизнью. Здесь, за этой стеной, они существовали, а жили – в особом, непонятном остальным, мире, наполненном такими же особыми радостями, мечтами и иллюзиями. И там не находилось места банальным мелочам, лжи и лицемерию, там этого просто не понимали.

В замке осторожно скрипнул ключ, и Купер обернулся. Дверь раскрылась, и Мендоза вкатил в комнату столик с подносом.

– Привет, псих, – по-испански поприветствовал он сослуживца. – Сидишь?

На языке конкистадоров разговаривать можно было совершенно смело – в процессе подготовки операции они выяснили, что никто в больнице не владеет испанским. Ни в какой степени.

– Нет, стою. В окно глазею. Это что, обед или ужин? – Эрик окинул поднос подозрительным взглядом. Вид блюд

не внушил ему доверия. – А от этого не умирают?

– Без понятия, – Луис прикрыл дверь и, пододвинув стул, сел. – Попробуй и узнаешь.

– Какой ты добрый, дядя, – Купер принялся. Дурдо-о-м... – А что в меню было написано?

– Написано было много чего, но подразумевалось одно – «Еда для старых маразматиков», – Мендоза достал с нижней полки большой бумажный пакет. – Вот, возьми лучше это.

– Надеюсь, не «Макдональдс»?

– Обижаешь. Домашние бутерброды. Кэт приготовила. Только не для тебя, а для меня.

– Ну а остальных как кормят? – Эрик вытащил из пакета два больших бутерброда: один Луису, другой – себе.

– Остальных, это нас? Обслуживающий персонал хорошо кормят, – Мендоза, отказавшись от бутерброда, похлопал себя по животу. – Команда большая, но вопросов мне никто не задавал. Про Леви я пока тоже еще ничего не выяснял.

– Правильно, – одобрил Купер и, взяв с подноса стакан, посмотрел его на незаметно исчезающий свет летнего дня. – Что это здесь? – попробовал на вкус и скривился. – Апельсиновый сок, бодяга из тетропака. Терпеть его не могу...

– Слушай, капризный ты какой! – возмутился Мендоза и чувствовалось, что он шутит.

– Да, а еще я не ем шпинат, откровенно острое и откровенно жирное. И шоколадное мороженое не люблю, – Эрик сделал глоток из стакана. – Да ладно, я же псих. Мне сейчас

по статусу полагается ковырять окружающим мозги.

– Ага, я заметил, что ты начал с мозга бедолаги Джека. Он с твоей этой фразочкой «А что, зелененьких тоже не было?» еще полдня носился, – Луис усмехнулся. – Ладно, с утра, после завтрака я поведу тебя на прогулку. Будем смотреть на гуляющих сумасшедших. Вдруг увидим нашего подопечного...

Он глянул на полный поднос с нетронутой пищей неизвестного происхождения и поднялся.

– Скажу, что ты бунтуешь и отказываешься есть эту гадость, – он взялся за ручку столика. – Ну и что жаловаться будешь тоже скажу, – он улыбнулся. – Ладно, пойду я...

– Давай. Ты теперь только завтра появишься?

Мендоза кивнул, смял опустошенный пакет, бросил его вниз и свалил туда же потертые джинсы и рубашку.

– Слушай, Луис, заедь к Глории, – попросил Купер. – Она снабдит тебя пропитанием, по крайней мере, на завтрашний день. И главное – привези большую плитку черного шоколада. Где-то процентов шестьдесят.

– С чем?

Эрик секунду думал, а потом ответил:

– С орехами и изюмом.

– Понял, – Мендоза вытолкнул столик в коридор. – Не бойсь, прокормим. Давай, до завтра.

Купер махнул ему рукой и вздохнул, услышав, как очередной раз за этот день шелкает замок.

IX

НЕЗАМЕТНО НА ГОРОД опустилась ночь, и небо покрылось пылинками звезд. Смолкли птицы, и на смену их звонким голосам явилось стрекотание каких-то кузнечиков. Исключая неугомонных насекомых, все в природе погружалось в сон.

Федерал лежал, заложив руки за голову, слушал, как трещат родственники цикад, и разглядывал ровно побеленный потолок. Сна не было. Как вообще можно спать в такой обстановке? Хотя... обстановка вроде спокойная, на этаже тихо, а нервы все равно как струна, будто в ожидании чего-то, что должно произойти. Чего-то плохого... Да ну, глупости! Что здесь может случиться? Псих какой-нибудь во сне с кровати упадет или в санитаря подносом с так называемой едой запустит. Вот и все дела. И все-таки крайне неприятное ощущение... С твоими мозгами и головой все в порядке, а ты – в психушке и окружающие тебя идиотом считают... Вот ведь, чего только делать не приходится, чтобы очередного уroda посадить туда, где ему место. Посадить или отправить. Второе – надежней, есть уверенность, что урод больше не вернется.

Эрик закрыл глаза. Господи, почему же не удастся никак заснуть? Овечек, что ли, посчитать?.. Или жирафиков? Ну так, чисто для того, чтобы порвать шаблоны.

Раз... два... три...

Жирафики почему-то прыгали попеременно с овечками.

Четыре... пять... шесть...

Сегодня денек был не из легких, все гадали поверят – не поверят, пустят в больницу или не пустят, а завтра и того хуже – выглядывать Леви среди сумасшедших.

Семь... восемь... девять...

В ЦИ было досье только на последнего водилу. А остальные, как единодушно предположили «Косатки», были, вероятно, сообщниками «инопланетян». Лэс проверил эту версию, и оказалось, что всех водил, кроме Вэна, приняли на работу незадолго до рейса, после которого они исчезали.

Десять... одиннадцать... двенадцать...

Сейчас Роделло проверял домашние адреса дальнобойщиков. А вообще он хотел на время освоить профессию санитаря в дурдоме, но вовремя вспомнил, что он неважный актер, да и в медицине мало что соображает, а у Мендозы и образование соответствующее, медицинское, и по-испански он говорит.

Тринадцать... четырнадцать... пятнадцать...

Нехотя Лэс отказался от этой идеи и вместе с Виком остался в мире нормальных. Впрочем, еще надо разобраться, кто нормальной: те, кто себя таковыми считают или те, кого они не воспринимают как неотъемлемую часть своего (только ли их?) мира.

Шестнадцать... семнадцать... восемнадцать...

Вместе с наступившей тишиной подкралась дремота. Эрик запутался и сбился со счета. Мысли исчезали, словно растворялись в темноте. Жирафики, подпрыгивая ножками, прыгали все ленивей. Пожалуй, отбой... до утра...

Внезапный дикий крик вспугнул и тут же прогнал хрупкий как льдинка сон. Купер резко открыл глаза. Может, причудилось на нервной почве?.. Но сердце колотилось как ненормальное и казалось, что эхо от ударов разносится по всей комнатухе и мечется рывками по всему ее пространству. Кому-то приснился ночной кошмар?..

Снова тот же вопль, словно лезвием разрезал тишину. Теперь он был полон неподдельных ужаса и боли. И тот, кто кричал, находился на первом этаже, в комнате прямо под той, в которой сидел федерал. За дверью прогрехотали шаги, потом дежурный по сектору «В» бросился бежать. Соседняя с Купером комната, что была слева, ожила. Он слышал, как там, негромко бормоча, металось обезумевшее от страха существо.

Еле дыша, Эрик скатился с кровати и растянулся рядом с ней, приложив ухо к полу.

– Помоги!.. – донеслось до слуха достаточно отчетливо. – Помоги... те!..

– Джон! – проорал другой голос, Джека. – Давайте сюда! Гектор напал на Джона!

Опять кто-то пронесся по коридору полностью проснувшегося сектора «В». Сгущая и без того мрачные краски,

в комнате справа завыл сумасшедший. Эрику показалось, что от этого у него на голове зашевелились волосы. Боже мой, ну и место... Здесь работают какие-то самоубийцы и любители острых ощущений...

Он вскочил на ноги с желанием проверить заперта ли его дверь. Так, на всякий случай. Заперта... наверно... Ручки-то нет... Но Луис запирает ее... Слава Богу...

Он снова лег на пол.

– Дуэйна, черт вас подери! – заходился внизу Джек. – Дуэйна зовите! Держись, Джон!

Крики стали громче. Похоже, из коридора санитар переместился в палату. А кто такой Гектор? Не тот ли самый людоед, любитель молчащих ягнят?.. Гектор-Лектер... Какая-то неясная возня... громкие хрипы...

– Давайте, ребята! В угол его! В угол! – дрожа, рывкнул незнакомый голос. – Пит, берегись!

Кто-то упал. Тут же грохнулась какая-то железяка, и что-то, издавая глухой звук, покатилося по полу.

– Петлю! Накидывай ему петлю на шею!

Купер с трудом узнал Дуэйна. Его голос вибрировал. Под комнатой №273 неистово, захлебываясь собственным бешенством, залаяла собака, и воображение произвольно нарисовало образ огромного дога. Дог? Что за бред! Откуда там могла взяться такая здоровенная псина? Лай резко оборвался, и вместо него прокатилась волна адского, леденящего душу хохота.

– Давай, обходи его сзади!

Сумасшедший хохотал не переставая. У Эрика по спине побежали мурашки. Неожиданно он почувствовал себя совершенно беззащитным.

– Петлю, Уилл! Сейчас!

Снова шум... опять что-то упало... Справа продолжал выть безумец.

И в этот момент дьявольский, безрадостный смех словно сдавили в гигантском кулаке, и он превратился в агрессивное шипение.

Купер перевел дыхание. Комната показалась ему совсем крошечной, в ней не хватало воздуха.

– Я держу его!

В стенку слева что-то ударилось. Эрик вздрогнул – словно мир перевернулся. Снизу донеслись звуки борьбы.

– А-а, паскуда, проголодался, да?!

– Джон! Скажи хоть слово!

– Позвоните 911! Он истекает кровью!

– Позвонили! Они уже едут!

Крики... в голосах звучат неприятные ноты истерики...
Еще немного и они сами там все походят с ума...

С улицы в комнату ворвался вой сирены... Купер бросился к окну и попробовал его открыть. Безнадежно... Из «скорой» повыскакивали врачи и с носилками побежали к зданию. Эрик снова растянулся на полу.

– Сюда! Он здесь!

Топот множества ног... Испуганно закричала женщина. Наверняка, какая-нибудь медсестра не вовремя завернула в сектор «Х». Не повезло ей, надо полагать.

– Уберите ее к чертовой матери!

Действительно...

Прибывшие по вызову врачи общались между собой на максимально точном языке медицинских терминов. Дефибрилляция, интубируем... Сюда бы Инквизитора в качестве специалиста своего дела. Судя по тем красноречивым крикам и звукам, что доносились снизу, у Джона шансы пятьдесят на пятьдесят на каждую из машин разного предназначения: либо на «скорую», либо на катафалк... Где-то за потоком других мыслей промелькнуло подсознательное замечание, что это достаточно жестокий юмор.

– Так, поеха-а-ли!

По полу застучали колеса каталки. Их стук гулкими отголосками отлетал под потолок. Эрик видел, как Джона погрузили в «скорую», но как он выглядел и сильно ли пострадал, разглядеть не удалось. Весь обзор закрывали собой врачи. Взыла сирена, и белая с красным машина в мгновение ока умчалась.

Купер еще пару минут прислушивался, но внизу все стихло, успокоилось, умерло... Словно актеры, честно и добросовестно отыгравшие спектакль, ушли на заслуженный отдых. Или они всего лишь переместились этажом выше?

Больные из сектора «В», перепуганные все до едино-

го, реагировали на шум по-разному. Крики, вопли, вой, стук, бормотания слились в протяжный глухой гул. Пациент из 273 комнаты, наверно, был единственным, кто вел себя спокойно, хотя и был напуган не меньше остальных.

Эрик забрался на кровать с ногами и стал ждать дальнейшего развития событий.

Неслышно открылась заслонка наблюдательного окошка – Джек вернулся успокаивать больных своего сектора.

– Не спишь?

– Заснешь тут, как же, – отозвался федерал. – Что там произошло?

Джек внимательней взгляделся в темноту. Странный вопрос для психа... Может, он и вправду не идиот?.. Тот, второй, хоть тоже и утверждает, что не сумасшедший, ничего такого не спрашивал... Тот вообще не особо разговаривает.

– Не твоего ума это дело, – отрезал он и захлопнул окошко.

Эрик прижался затылком к стенке, за которой, не находя покоя, метался его сосед, и посмотрел в окно, на алюминиевую луну, заливавшую все вокруг глянцевым светом.

Нет, приятель, это как раз мое дело. Только мое, и ничье больше.

Х

МЕНДОЗА СУНУЛ КЛЮЧ в замок и повернул его. Щелчок. Он нажал на ручку и потянул ее на себя. Дверь свободно раскрылась, и Луис вошел в палату.

– Не спал всю ночь, – постановил он, увидев сослуживца. – Поэтому выглядишь ужасно.

– Можешь не говорить, – сказал Купер, и в голосе прорезалась усталость. – Сам знаю. Тебе рассказали, что случилось? Здесь за одну такую ночь досрочно поседеть можно. Я все слышал, но ни черта не видел.

– Да, я столкнулся с Дуэйном. Каннибал Гектор веселил народ.

– Кто он вообще такой, этот Каннибал?

– Поджигатель. Спалил четыре семьи лет десять назад. Помешан на огне, преклоняется перед ним как перед Богом. Очень агрессивен, хотя и выглядит тихоней. Бросается на санитаров, кусается. Был приговорен к смертной казни, но потом вдруг резко сошел с ума – какое сказочное стечение обстоятельств! – и инъекцию заменили пожизненным. Одного только не могу понять... – Мендоза прислонился к стене и сунул руки в карманы форменных брюк. – Почему он в обыкновенной психушке, а не под одной крышей с приятелем Роделло. Хотя... его, похоже, лечить пытаются. А дружок Лэса – безнадежен абсолютно.

– А что, десять лет недостаточный срок, чтоб понять, что этот тоже безнадежен? – приподнял Купер бровь. – Что там с Джоном?

– В больнице он. Еле откачали. Дуэйн сказал, что он напоминал полусъеденную отбивную с кровью. Сюда он явно больше не вернется.

– А если и вернется, то только в качестве пациента... Что запланировано по расписанию?

– Душ, завтрак и прогулка, – отрапортовал Луис. – И на этот раз никаких деликатесов из местной кухни.

Покончив со всеми вышеперечисленными процедурами, федералы спустились в парк и пошли по одной из петляющих дорожек. Было тепло, ласково пригревало солнце, пели птицы, и ничто не напоминало о ночном кошмаре.

Больные, в сопровождении медсестер и санитаров, гуляли по всему парку. Они сидели на скамейках, уставившись в одну точку, ловили бабочек, бегая по лужайкам с детской радостью, смотрели на плавающих в пруду толстых закормленных уток... Мужчины и женщины, юноши и девушки, такие разные и одновременно такие одинаковые, обезличенные каждый своей болезнью. Они разговаривали друг с другом и не слышали, что говорит собеседник. Так было с двумя больными, которые, сидя рядом на скамейке, объясняли один второму, почему они попали сюда. Но ни тот, ни другой не слышал ничего, кроме собственного голоса.

– Наши проверили адреса, – доложил Мендоза. – Липо-

вые, все без исключения. Ну... я имею в виду всех, кроме Леви.

– Да я понял, – Эрик отломил кусочек от большой плитки шоколада. – Угощайся, – предложил он временному напарнику.

Он медленно тащился рядом с Луисом, чувствуя себя совершенно разбитым. Мысли еле ворочались в тяжелой голове и причиняли почти физически ощутимую боль.

– Соображения какие-нибудь есть? – Мендоза от шоколада не отказался.

– Есть, но поделюсь ими попозже. Я чего-то сейчас вообще никакой... Ощущение такое, словно нырнул через несколько часовых поясов.

Луис остановился и внимательно посмотрел на Купера:

– Да-а... тебе бы поспать...

– Хорошо бы...

– У меня идея. Надо найти лужайку поудиненней, где ты сможешь наверстать упущенное.

Возражений не последовало. Необходимая и подходящая поляна была обнаружена достаточно быстро. Эрик, надвинув кепку на глаза и заложив руки за голову, растянулся в высокой густой траве и уснул в считанные минуты. Луис уселся с ним рядом, скрестив ноги по-турецки. Он глянул на часы – времени до конца прогулки предостаточно, пускай спит... Внимания к себе они точно не привлекут, здесь большая часть народа занимается странными делами.

В этот день им так и не удалось найти Вена, хотя федералы и облазили весь парк. Поиски следующего дня тоже не принесли никаких результатов.

– Может, они его куда-нибудь перевезли? – задался Мендоза логичным вопросом.

– Будем надеяться, что нет. В конце концов, парк большой, психов много, а нас мало, – с неожиданным оптимизмом возразил Купер. – А вообще, знаешь, ты все-таки наведи справки...

К ним, неторопливо шагавшим в тени деревьев, легко подбежала какая-то женщина в одежде пациента больницы. Она размахивала руками и будто исполняла какой-то неведомый танец. Изобразив несколько замысловатых па, она замерла, а потом начала раскланиваться, слыша одной ей предназначенные аплодисменты.

– Я парю! Я бабочка! – воскликнула она, увидев остановившихся федералов.

Больная встала на цыпочки, сложила вместе ладони, подошла к ним поближе и, озираясь, прошептала:

– Берегите бабочек. Они хорошие, они приносят пользу. Разрушения в этот мир несет только человек. Разрушив себя, он начинает разрушать окружающих.

Из-за поворота дорожки показалась медсестра:

– Маргарет! Поди сюда! Пойдем погуляем!

«Бабочка» послушно исполнила то ли приказ, то ли просьбу, и сослуживцы проводили ее взглядом.

– Типичный случай шизофрении... – пробормотал Луис, а Эрик только попросил его:

– Скажи мне, кто из нас более больной?

Мендоза затруднился ответить на этот вопрос, и они молча пошли дальше. Потом Луис вернулся к дальнобойщикам.

– Если все кроме Леви были подсадными, если они нанимались на работу только, чтобы иметь машину для перевозки левака... Не понимаю, почему банда не могла просто купить или угнать машину и спокойно заниматься своими делами?

– Опасно, – предположил Купер. – Одна машина, примелькается. А так банды вроде как и не существует. Пришельцы чертовы... Психологически эти ребята вообще все гениально продумали. Пропадает водитель, но ведь можно нанять другого. Хозяин ничего не понимает. Однако машина цела, груз – на месте, а для него это главное. С него взятки гладки, пальцы веером, сопли пузырями – откуда он знал, что у водил и имя, и адрес липовые? А Леви сообщником не был, но левак вез. Уже тревожное состояние. Вдруг поймают? Время подходящее – ночь. Бац! – а за поворотом еще и инопланетяне. Водила пугается до полусмерти, ему дают по башке, и он отключается. Спустя какое-то время приходит в себя и прибывает в уверенности, что его похищали представители внеземной цивилизации.

– Подожди... – прервал его Мендоза. – Хотя... нет, валяй дальше.

– А дальше все просто, как стекло. У водилы два выхода:

либо идти в полицию, либо не идти. В любом случае ему никто не верит, ну если только жена и дети... ЦИТ узнает о так называемом похищении, уводит его у нас из-под носа и помещает сюда. Узнать об этом законным путем невозможно. Что в итоге мы получаем?

– «Глухаря»... – севшим голосом сказал Луис.

– Вот именно. Конечно, попади Леви сразу к нам, все было бы намного проще. А впрочем... впрочем, какая разница, все равно нам надо найти этих любителей театральной самодеятельности, главный из которых умеет использовать свои мозги.

Приближалось время ужина, пришлось вернуться обратно в палату. Закрыв Купера, Мендоза отправился получать очередное несъедобное пропитание для своего подопечного. Он вернулся быстрее, чем ожидал Эрик, и, вталкивая в комнату столик, едва не сбросил с него поднос.

– Что с тобой, амиго? – удивленно приподнял брови Купер. – Неужели и тебе померещились пришельцы?

– Нет, – мотнул головой Луис. – Просто я узнал, где Леви. Санитары там трепались... Санитары из группы риска, – с ударением пояснил он. – Понимаешь, что это значит?

Помолчав и словно осмыслив до конца новость, Эрик предельно ясно дал формулировку того, что им предстояло сделать в ближайшем будущем:

– Это значит, что нам придется лезть в сектор «Х».

XI

РОДЕЛЛО, СИДЯ НА своем столе, рассматривал доску с фотографиями. Разные фирмы по перевозке. Разные люди. Шестеро из них, вероятно, связаны друг с другом. А как, интересно, банда узнала, что Вэн повезет левый груз?

Звякнул телефон, стоявший на столе, и, перед тем как снять трубку, Лэс глянул на часы. Да, самое время.

– Роделло.

– Роделло? Ну привет, Роделло. Узнаешь?

– Нет, не узнаю.

– Узнаешь. А помнишь, сколько осталось?

– Чего осталось?

– Значит, помнишь. Три года, 5 месяцев и 23 дня. Жди, Роделло.

Гудки... Сценарий разговора не менялся. Каждый день он повторялся слово в слово, и поначалу сильно раздражал Лэсли. А потом стал забавлять его. Сейчас же он относился к этим звонкам с философским спокойствием.

Снова зазвонил телефон. На этот раз это был Холт.

– Лэс, давай дуй в гараж! – скороговоркой произнес он. – Нашли еще один грузовик.

Роделло схватил пиджак, хлопнул дверью, закрыл ее на замок и помчался к лифту. Через две минуты он был в гараже и плюхнулся на сиденье служебного автомобиля. Взвизгнув

покрышками, машина вылетела на улицу.

– На каком шоссе на этот раз? – Лэсли поправлял воротник.

– Не «на этот раз», – Вик повернул руль и перестроился в левый ряд. – Опять на 25-ом шоссе. Водила пропал, и пока его не находили. Полицейские прочесывают окрестности.

– Надеюсь, пришельцы никого не завалили? Обошлось без жмурей?

– А были ли пришельцы? – вместо того, чтобы ответить, спросил Холт. – Водилу не нашли, и моя интуиция сыщика подсказывает мне, что уже и не найдут. А что твоя интуиция?

– Моя? Моя интуиция молчит, как вражеский шпион.

Истратив уйму времени на стояние в дорожных «пробках», машина, в конце концов, покинула черту города и до места назначения домчалась за считанные минуты. Федералы выбрались наружу и тут же нарвались на Бешеную Рут. Им не повезло – они подвернулись ей под горячую руку, что поняли моментально.

– Ага! – восклицание сильно смахивало на боевой клич индейца. – В прошлый раз Холмс явился собственной персоной, а сейчас прислал своего верного Уотсона. Прискакала только овечка, без обожаемой Мэри.⁷ Давай, Роделло, смотри во все глаза, чтобы потом все подробно рассказать нашему гению сыска.

⁷ Рут имеет ввиду детскую песенку о девочке Мэри, у которой была овечка. Мэри никогда с ней не расставалась.

Лэс счел благоразумным проигнорировать ее ехидные нападки. Он уже был научен горьким опытом, что спорить с ней бесполезно. Этим пускай Купер занимается, тем более, что тот никогда не упускал возможности ответить на одну шпильку двумя.

– Ладно, Рут, – Вик, взвалив на себя роль дипломата, попытался восстановить мир, – давай делами займемся.

– Делами? Дела у меня в лаборатории, а здесь для меня ничего нет. Только время зря трачу...

Лэс, незаметно вцепившись в рукав Холта, потащил его за собой. Вик быстро понял, что от него требуется, и последовал за коллегой. Оба задышали свободней, когда покинули линию обстрела колкими репликами.

Двери прицепа грузовика были распахнуты, а возле машины копался кто-то из криминалистов. Федералы еще не успели раскрыть рта, чтобы спросить разрешения залезть вовнутрь, как он, на мгновение обернувшись, коротко проинформировал:

– Можно.

Роделло и Холт влезли в прицеп, груженный здоровыми упаковками с кормом для собак. Как сговорившись, оба двинулись к дальней стенке. Лэс шел впереди и первым ступил на свободную площадку за основным грузом. Вик остановился рядом и сунул руки в карманы брюк.

– Итак, опять пусто, – констатировал он. – Но что же они все-таки везут? Эй, Роделло, ты что там ищешь?

– Вик, у тебя фонарика нет? – Лэс вдруг исчез в темноте в углу прицепа. – Тут, кажется, какой-то ящик...

Холт пробрался к выходу и, одолжив у криминалиста фонарик, вернулся обратно. Круг желтого света пробежал по грязному полу, скользнул по стенке и переметнулся к Лэсли. В углу стоял небольшой деревянный ящик.

– Как думаешь, что там? – Вик осмотрел его, присев на корточки. – Заколочено гвоздями...

– Держу пари на двадцатку, – безрассудно заявил Роделло, – что там внутри оружие. Новейшие модели пистолетов и автоматов, которые Джеймсу Бонду даже не снились.

– Пари принято, – тон Холта был азартным. – Теперь только осталось вскрыть ящик. И, кстати, он вовсе не оружейный. Заметил?

– Это для конспирации.

– Ладно, договорились, – Вик, наклонив голову, прислушался. – Он вроде не тикает... Хорошо, давай, гони сюда экспертов. Покажем Гремучке как ей здесь делать нечего. Пускай сотворят что-то вроде экспресс-теста.

Рут была не в восторге от того, что кто-то посмел указать ей на ее промах. От этого настроение у нее стало еще хуже.

Роделло не пригнал экспертов. Их пригнала начальница, лично. Она же лично руководила всем процессом. Федералы терпеливо ждали, пока бригада, облепив ящик со всех сторон, что-то там замеряла, что-то сканировала, что-то снимала...

А потом все равно заявила:

– Надо забрать в лабораторию.

– А что, так непонятно, есть там бомба или нет? – Лэсли скрестил руки на груди.

– Следов взрывчатых веществ не выявлено, – признал один из спецов, – но внутри что-то стеклянное.

– Стеклянное?.. – переглянулись федералы, и Роделло смутно стал догадываться, что проиграл пари.

– Да, похоже на бутылки. И плотные пачки нарезанной бумаги. На самом дне ящика.

– Еще интересней, – Холт окинул ящик взглядом и посмотрел на Лэсли. – Вскроем? Хотя, конечно, версии, что там какое-то химическое оружие, никто не отменял.

– Вик, да ладно! Они ж не террористы какие! Я мигом, – Роделло протиснулся вдоль палет с кормом и отправился добывать монтировку.

Через несколько минут он возвратился, небрежно, словно элегантно тростью, поигрывая тяжелой железякой.

– Приступим?

Стекло, значит, там... И бумага... Сейчас посмотрим, что там за бумага такая.

– А почему они не забрали его? – озадачился Холт.

– Не знаю. Может, не заметили, а может, их что-то или кто-то испугнул. Это скорей всего.

Роделло подsunул зауженный конец монтировки под доску и, ухватившись поудобней, надавил на нее. Доска затре-

щала и, визгливо скрипнув гвоздями, с грохотом свалилась на пол. Щель оказалась слишком узкой для его руки, и пришлось содрать еще одну доску. Когда она грохнулась рядом с первой, Лэсли отложил фомку. Содержимое ящика было тщательно укрыто ворохом соломы или чего-то очень похожего на нее.

– Ну? Что там?

Роделло вытянул руку обратно, и в свете фонарика блеснула тяжелая квадратная бутылка с синей этикеткой. Лэс ладонью стер с нее пыль и тяжело вздохнул, – точно, только что он с позором продул двадцать баксов. Не ахти, конечно, какая сумма, но дело ведь в принципе... С горьким привкусом поражения он вспомнил напарника – умнейший человек! – который на деньги спорил (или вообще спорил) только тогда, когда был уверен в своей правоте на 150 процентов.

– Виски?! – Холт не поверил своим глазам. – Обыкновенный шотландский виски?!

– Да, «Johnny Walker»... – подтвердил очевидное Роделло.

– Вот тебе и Джеймс Бонд, – Вик посветил на торчавшую из ящика солому. – Вот тебе и «смешать, но не взбалтывать»...

– До чего докатилось человечество, – Лэс, проиграв двадцатку, неожиданно настроился на философскую волну, – убить человека за партию обыкновенного виски...

– Стоп, стоп... Там еще какая-то бумага, – напомнил победитель.

Роделло отодрал оставшиеся доски и, снова запустив руку в ящик, зашуршал соломой. Бутылка, еще одна... Лежат плотно, стык в стык одна к другой. Нет, так, на ощупь, до дна не добраться. Он ругнулся и стал доставать бутылки из ящика. Когда внутри стало значительно свободней, Лэсли посветил на солому, аккуратно разгреб ее и увидел наконец плотные пачки нарезанной бумаги.

Это были доллары.

XII

В КОРИДОРАХ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ больницы было тихо. Большая часть больных мирно спала, а те, кто бодрствовал, вели себя на удивление спокойно.

Бесшумно ступая и держа в руке небольшую спортивную сумку, Луис направлялся к палате №273. Дверь была не заперта, это он хорошо знал, потому что сегодня в секторе «В» за главного был он. После происшествия с Джоном, Джека перевели в группу риска, а Мендоза временно занял его место.

– Держи, – Луис передал сумку ждавшему уже Куперу.

– Ну слава тебе, Господи, – тот расстегнул «молнию», – наконец-то я вижу нормальную одежду. Кто сегодня дежурит?

– Угадай с трех раз.

– Понятно, – Эрик вытряхнул содержимое сумки на кровать. Последней, сверху на одежду, вывалилась кобура с «береттой». – Думаешь, будет так страшно? – он отложил оружие в сторону и стал переодеваться.

– Откуда я знаю? – пожал Мендоза плечами и приподнял край незаправленной рубашки, продемонстрировав рукоятку «ЗИГ-зауэра». – Я ствол прихватил.

– Ладно. Что насчет Джека? Будет он мешать?

– Согласно правилам он должен каждый час совершать об-

ход. Очередной из них... – Луис посмотрел на часы, – через десять минут. Потом он обычно развлекается тем, что разглядывает фотографии в «Плейбое».

– Зайчики Хью Хэфнера? – ухмылка Купера была понимающе-плотоядной.

– Ага. И если не случится ничего из ряда вон, то следующий час в нашем полном распоряжении.

– Но ты ведь побеспокоился о том, – Эрик сунул голову в черную битловку, – чтобы у нас было чуть больше времени, чем просто шестьдесят минут?

– А то! – Мендоза выудил из кармана брюк маленькую пластиковую бутылочку. Он легонько встряхнул ее и повернул этикеткой к сослуживцу.

– Эфир, – Эрик сел на кровать и стал завязывать шнурки на любимых кедах. – Старый, проверенный способ. Ну и правильно! Не мышьяк же ему в кофе подсыпать?

– Это, как минимум, было бы негуманно, – согласился с ним коллега.

– Камеры? – с негромким, ласкающим слух щелчком, из рукоятки «беретты» выскользнула обойма и ткнулась Куперу в ладонь.

– Уже давно показывают, что в Багдаде все спокойно, – заверил Луис.

Нейтрализовать Джека оказалось делом нехитрой техники. Его просто подкараулили за углом и нежно усыпили, прижав к его носу платок пропитанный эфиром. Помахав, как

и полагается в таких случаях, руками, санитар медленно стек на пол.

Федералы были слишком увлечены своим делом, чтобы услышать, как негромко щелкнул замок палаты №136. Бесшумно приоткрылась дверь, и обитатель комнаты осторожно выглянул в пустой коридор. Ему было лет 55-ть, и его волос едва коснулась седина. Взгляд бледно-голубых глаз скользнул по закрытым дверям других палат. Подобие странной улыбки искривило губы больного, и он хотел уже выйти из комнаты, но его острый слух уловил чьи-то шаги. Он поспешно юркнул обратно, однако дверь только прикрыл, оставив щель, через которую ему была видна часть коридора. Он внимательно и с любопытством наблюдал за тем, что там происходило. Больной видел, как пара незнакомых ему ребят, один из которых был одет в форму санитаря, тащат третьего, тоже служащего больницы. Когда они приблизились, он узнал того, кого тащили – это был человек по имени Джек. Тот, что повыше, держал его за руки, а второй – за ноги. Они пронесли Джека мимо палаты и исчезли в комнате дежурного. Скрипнул диван, и пациент услышал хрипловатый голос: – Фу, тяжелый же, кабан...

Ребята снова возникли в поле его зрения и остановились посередине коридора.

– Прежде, чем приступить, – заговорил санитар, – проведу краткий инструктаж. Правило номер один – попытайтесь открывать заслонки как можно тише и аккуратней. Публи-

ка крайне неуравновешенная, напугать их может, что угодно и тогда сюда сбежится вся больница. Занято здесь всего тридцать комнат, какие конкретно – я не в курсе, выяснить не удалось, придется проверять все подряд. Начнем с ответвления, – он указал рукой туда, где коридор сворачивал направо под строгим прямым углом. – Пошли, я с одной стороны, ты – с другой.

– А номер два?

– Что «номер два»?

– Правило. Одно ты назвал, а...

– Правило номер два – не пугайся. Я не знаю, что мы увидим, но, думаю, ничего хорошего.

– Мне уже страшно, – признался высокий и повернулся.

Больной, перед тем, как они скрылись за углом, успел заметить на его поясе кобуру с оружием. Снова странная улыбка скользнула по губам пациента. Он осторожно вышел из палаты, закрыл дверь и, как тень, быстро и беззвучно метнулся к комнате дежурного.

Джек лежал на диване и, безмятежно похрапывая, наслаждался сновидениями. Те двое освободили его от очередного скучного дежурства. Больной, наклонив голову к плечу, с минуту разглядывал санитаря. Бледно-голубые глаза почти не моргали. Потом он подошел к шкафчику, где дежурные хранили свою одежду, и открыл дверцу. Брюки... рубашка... темная куртка... Джек выше ростом да и в плечах шире, но брюки можно подвернуть, а от куртки потом просто из-

бавиться. Рубашку, наверно, тоже придется взять.

Чутко прислушиваясь ко всем звукам, он надел брюки санитары, снял больничную рубашу и бросил ее на пол рядом со шкафчиком. На ее кармане, как и у всех сумасшедших сектора «Х», была прикреплена нашивка с именем пациента. Имя состояло из шести букв – «Гектор».

Переодевшись, Каннибал Гектор не стал утруждать себя складыванием больничной одежды в шкафчик – она осталась валяться на полу. Уйти прямо сейчас было бы неплохо... Однако там, по другую сторону забора, у него могут возникнуть совсем ненужные проблемы и решить их реально лишь при помощи оружия. А у того, высокого, оружие было...

Гектор выглянул из комнаты. Пусто. Они еще не появились в основном коридоре. Так, а деньги, чтобы уехать из города? Он пошарил по карманам куртки и во внутреннем обнаружил бумажник. Его содержимого явно не хватит на билет на самолет или поезд, а количество денег на кредитке неизвестно. Да, оружие необходимо.

В кармане еще что-то оставалось. Этим «чем-то» оказались пачка сигарет и зажигалка «Zippo» с выгравированным изображением баскетбольного мяча. Отбросив пачку, он положил зажигалку на ладонь и облизнул сухие потрескавшиеся губы. Вот она, лежит перед ним, их ничто не разделяет, он ее ощущает... Гектор чувствовал, как внутри ее бьется могучая сила... Эта сила почти живая, но, несмотря на всю свою

мощь, она была заперта, а потому – абсолютно беспомощна. Однако если ее выпустить, освободить, она часто несет с собой разрушения, хаос и смерть. Она может стать совершенно неуправляемой и потому особо опасной, бездушной, безжалостной, никого и ничего не щадящей на своем пути. Эту силу надо было уважать и понимать, чтобы стать достойным ее и узнать ее имя. Каннибал Гектор давно уже стал достойным, ибо преклонялся перед страшной мощью.

И в его власти было освободить ее.

Он чиркнул зажигалкой, и вверх взвился огонек пламени. Выпустив его на волю, Гектор смотрел на дрожащий желтый огонь, как зачарованный. **Он** знал, как его зовут. Имя ему было Зверь.

– Здравствуй... – зашептал он, и его дыхание шевельнуло пламя. – Танцуешь? Мы давно не виделись... Бог мой, как давно я не танцевал с тобой!..

В тишине послышались быстрые шаги, и будто испугавшись их приближения, Зверь спрятался. Гектор зажал его логово в кулаке и встал за дверь, прижавшись спиной к стене.

– Подожди, Луис... Хочу проверить, как там Джек.

– Давай, только быстро.

– А куда торопиться? Клиента-то уже нашли...

Гектор, жадно ловивший каждое слово, почувствовал радость. Сам придет... Словно специально, чтобы облегчить ему достижение цели. Он вслушивался в каждый шорох подошвы по полу и считал каждый шаг. Раз... два... три... Ко-

ридор неширокий, трех шагов вполне достаточно. Да, так и есть. Вот он. И оружие в кобуре.

Он с силой толкнул дверь, и она, громко хлопнув, закрылась. Эрик быстро обернулся. Мендоза в коридоре вздрогнул от неожиданности и, потянув за собой ничего не понимающего Леви, подбежал к двери.

– Купер?.. – он попытался ее открыть, но она не поддавалась. – Эй, что там у тебя?

– Пока не знаю, – ответил Эрик, не спуская глаз с незнакомца. Одет, как штатский, одежда явно с чужого плеча, а обувь больничная... Санитар? Взгляд скользнул на валявшуюся у шкафчиков рубаху и остановился на нашивке на кармане.

«Гектор».

Хотел посмотреть на поклонника «Молчания ягнят»? Кушайте, сэр. Мечты сбываются. Правда, иногда в самый неподходящий момент.

Луис дернул ручку и навалился на дверь плечом. За дверью что-то происходило и это «что-то» внушало ему опасения.

– Я тебя знаю? – Купер стоял на месте и боялся пошевелиться, но говорить старался уверенно.

– Сомневаюсь, – псих сделал шаг в сторону, и дверь оказалась прямо у него за спиной.

– Тогда зачем я тебе?

– А кто сказал, что мне нужен ты?

В вопросе прозвучала неожиданная для помешанного логика. Кто он на самом деле? Псих или один из тех, кого принято считать нормальными?

– Если не я, то – что? – Эрик прикидывал, что произойдет быстрее: он уложит этого красавца портретом в пол или Луис – вышибет дверь.

– Твое оружие, – последовал спокойный ответ.

– И ты думаешь, я его тебе так просто отдам?

– Да, отдашь, – твердо произнес Гектор. – Потому что сейчас я сильнее тебя. Я не одинок, со мной мой друг.

– Но я тоже не одинок, – федерал кивнул на дверь, дрогнувшую под натиском Мендозы.

– Твой приятель в коридоре, а мы – здесь. Однако даже если бы он сейчас стоял рядом с тобой, это ничего не изменило бы. Мой друг намного могущественней вас обоих.

– Может, я знаком с ним? – Купер сконцентрировал на сумасшедшем все внимание, стараясь больше ни о чем не думать. Даже о том, как скоро шум услышат дежурные других секторов.

Взять его на мушку? Быстро, почти молниеносно. Секундное дело. Он так умеет. Однако... однако будет ли с этого толк? Человек напротив явно не дружит с головой. Плюс дверь как раз у него за спиной. А за ней – Мендоза.

Впрочем, Луиса можно попросить отойти от двери подальше. Главное, чтоб он услышал.

– Знаком наверняка... – улыбнулся Гектор, и Эрик увидел

у него в руке зажигалку. – Но вряд ли ты танцевал с ним...

Чиркнула искра и превратилась в жаркое пламя, потянувшееся стройной стрелой кверху.

– Это Зверь, – его бледно-голубые глаза безрадостно блестя. – А ты танцевал со зверем, мальчик?

Внезапно коротким, как удар, броском Каннибал оказался совсем рядом, и огонь горячим дыханием обжег щеку.

Подчиняясь то ли рефлексу, то ли инстинкту, Эрик рванулся в сторону, одновременно ударив по руке, державшей зажигалку. Звякнув, «Zippo» исчезла под шкафчиком.

С низким утробным рыком Каннибал бросился на обидчика, и ладонь молниеносно упала на рукоятку «беретты». В крошечном пространстве комнаты выстрел грохнул оглушающе громко.

Мендоза, не заботясь более о тишине и спокойствии, выхватил пистолет из кобуры и рявкнул испуганному Вену:

– В сторону!

Пуля вышибла замок в двери, Луис пнул ее ногой и увидел лежащего на полу человека. На его рубашке, в области плеча, расплывалось насыщенно-красное пятно.

– Купер, какого... Господи, это же Каннибал Гектор... – глянул Мендоза раненому в лицо. – Как же он из палаты выбрался?... Боже праведный...

Эрик нагнулся и подхватил с пола стреляную гильзу:

– Ходу, Киса!

Луис повиновался автоматически, даже не дав себе отчете-

та, что фраза прозвучала почему-то по-русски. Он не совсем уяснил, что это значит буквально, но интуитивно догадался, к чему призывает коллега. В коридоре он поднял вторую гильзу, и они одновременно подтолкнули Леви:

– Вперед!

Втроем они бросились бежать вдоль тянувшихся по бокам дверей, казавшихся бесчисленными. За ними, пробудившись от чуткого сна, прятались под кроватями, кричали, забивались в углы и бросались на стены существа, которых федералы совсем недавно увидели впервые в жизни. Их вид производил удручающее, горькое, болезненное впечатление. Эрик сомневался, что сможет когда-нибудь забыть эти создания: с глазами без всякого выражения, не понимающих, где они, кто они, что с ними, живущих в мире без воспоминаний, без прошлого и будущего, в мире без надежд, цепляющихся за осколки навсегда разбитых сознания и памяти.

– Что это? Что это было?

– Не знаю, доктор.

– По-моему, это было похоже на выстрелы...

Со стороны лестницы донеслись гул голосов и топот множества ног. С той стороны путь к отступлению был перекрыт. Переглянувшись с Купером, Луис нажал кнопку лифта. Двери раскрылись мгновенно и снова сошлись, как раз в тот момент, когда в коридоре сектора «Х» появился доктор Дуэйн с толпой дежурных санитаров.

Кабина лифта поехала вниз, и федералы перевели дыха-

ние.

– Что там у тебя случилось? – наконец спросил Мендоза.

– Поклонник доктора Лектера хотел меня поджарить, а я был резко против. Сам, болван, виноват – надо было с ним сразу разобраться, не вступая в психологические беседы.

Вдруг Леви, откровенно сбитый с толку вихрем стольких событий, дрожащим пальцем указал на Эрика:

– Я тебя видел в окно. В одежде придурка. Ты на самом деле псих?

– Псих. И не только сегодня. По жизни. По крайней мере, мой напарник так считает.

– Да ладно?! – не поверил Луис. – Что, Лэс действительно назвал тебя психом?

– Угу. Натурально. Я не стал его переубеждать.

Металлические двери опять раскрылись. Держа «ЗИГ-Зауэр» в опущенной руке, Мендоза выглянул в коридор. В приемном было пусто и тихо.

– Пошли.

Они вышли из лифта и целенаправленно двинулись к выходу.

– Эй, Блэк, вы куда? – окликнул Луиса чей-то голос.

– Вперед!.. – прошипел тот спутникам, и они продолжили идти, как и шли.

– Эй, Блэк! Оглох, что ли? Куда ты их ведешь? – этот кто-то бросился за ними вдогонку, и Мендоза резко обернулся. Санитар остановился, увидев, что он держит черный писто-

лет. Парень поднял руки на уровень плеч:

– Все, я понял. Это не мое дело.

– Молодец, – вдруг похвалил его пациент из 273-ей комнаты. И этот ненормальный тоже был вооружен...

Трио выбежало из здания и растворилось в темноте парка. Они сейчас наверняка рванут к воротам... Там охранник, но все равно надо его предупредить. Санитар бросился к телефону.

Федералы и потенциальный свидетель бежали по дорожке через парк. Они успели уже за время своего пребывания в больнице привыкнуть к нему, но теперь, ночью, все казалось не таким как днем. Дорожка свернула влево. Значит, порядок. Они, чуть сбавив обороты, побежали по газону, продрались через кусты и оказались у забора. Мендоза забрался на пень спиленного дерева, подтянулся, зацепившись за ограду, и через пару мгновений оказался по другую ее сторону.

– Давай, теперь ты, – скомандовал Купер дальнобойщику.

Вэн ровным счетом не понимал, что происходит, что все это значит и кому это нужно, но предпочитал подчиняться двум бравым ребятам, выпустившим его из ненавистной палаты. Кто они такие он даже не догадывался, однако они совсем не походили на тех серьезных парней, которые упрятали его сюда. Хотя эти тоже не менее серьезно настроены...

Он переполз через забор и тяжело грохнулся на землю. Луис помог ему подняться:

– Живой? Ничего не сломал? А то так навернулся...

На ограде возник силуэт Купера.

– Разойдись, – глянул он вниз и спрыгнул с забора.

Мендоза открыл дверцу автомобиля, стоявшего у дороги и, усадив Леви на заднее сиденье рядом с Виком, устроился рядом. Эрик приземлился на переднее, и машина сорвалась с места.

– Ну, все нормально? – сидевший за рулем Лэс посмотрел на них. – Опаздываем, господа. Я даже начал волноваться.

– Да, пришлось слегка задержаться, – сказал Купер, – но вроде все обошлось.

Он обернулся и подмигнул дальнобойщику:

– Ничего себе ночка, а, Вэн?

– Слушайте, ребята, – в Леви вдруг заговорила дремавшая доселе храбрость, – кто вы такие? Что вам от меня надо? То одни меня в дурку сажают, то другие из нее вытаскивают... Так те хотя бы не стреляли!

Услышав его слова, Холт бросил быстрый взгляд на сослуживцев, и Эрик виновато развел руками.

– Так получилось, – оправдываясь, сказал он.

– На кого вы работаете? – вопрос прозвучал совсем по киношному, что Вэну очень понравилось.

– О, мы работаем в страшной конторе! Аббревиатура из трех букв. Первая – «Ф». Угадай с одного раза.

– ФБР?! – вытаращил глаза Вэн. – А те...

– Какой догадливый, – хмыкнул Купер. – Тебе обяза-

тельно надо поучаствовать в какой-нибудь игре, где девиз «Врешь, врешь – не обманешь». А те ребята были из другой страшной конторы по изучению «летающих тарелок». Только их интересовали твои гуманоиды, а нам они... Хотя нет, нам они тоже не безразличны. Короче, вынуждены тебя разочаровать – никакого похищения не было, а пришельцы, которых ты видел, самые обыкновенные земные мокрушники, убившие полицейского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.